

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 54

III — 1959

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная Коллегия:

Франция: Прот. Василий Зеньковский, К. А. Ельчанинов, И. В. Морозов, Н. А. Струве. Америка: Прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская.

№ 54

СОДЕРЖАНИЕ

III - 1959

	Стр.
1. Год помощи беженцам — Прот. Валентин Бакст	1
2. Слово Преподобного Симеона Нового Богослова о богословствовании	3
3. Духовные силы в жизни русского народа — Н. Арсеньев	4
4. Философские мотивы в русской поэзии. Пушкин и его современники — Прот. В. Зеньковский	12
5. Религиозная жизнь иудеев в Вавилоне — Прот. А. Князев	23
6. Слово о хуле на Святого Духа — Прот. А. Семенов Тянь-Шанский	33
7. Братство ЗОИ в Греции — Свящ. Д. Константелос	36
8. О новом стиле церковной жизни — Н. О. Лосский	40
МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ	
9. Православная миссия на Аляске	42
БИБЛИОГРАФИЯ	
10. Fedor Stepan: <i>Der Bolshevismus und die christliche Existenz</i> — Прот. В. Зеньковский	43
11. Новый перевод 4-х Евангелий — Н. А. Куломзин	43
ХРОНИКА	
12. О лагере Р.С.Х.Д. — С. Фицхелауров	49
Студенческий лагерь	50
Лагерь Юношеского Отдела Р.С.Х.Д.	50
13. Осенний съезд Р.С.Х.Д. во Франции — И. М—а	50
14. Сопещение Центрального Комитета Мирового Совета Церквей на острове Родосе в августе 1959 г.	52
15. Памяти М. М. Карповича — В. З.	54
16. Памяти Миши Краевича	55

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

1. Можно ли педагогу иметь мирозерцание? — Прот. В. Зеньковский	56
2. Всех ли детей надо учить музыке? — М. Черносвитова	57
3. О работе руководителя в лагере — С. Фицхелауров	60
4. Педагогика на службе безбожия	63

Подписная плата на год: 750 фр. С целью поддержки: 1500 фр. Подписная плата на «Le Messenger Orthodoxe» de l'A.C.E.R. de langue française — 600 фр. в год.

Во Франции подписную плату просим вносить на почтовый счет РСХД: С.С.Р. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15.

4 N^{os} par an. Abonnement annuel: 750 fr. Prix du N^o: 175 fr. Adresse de la rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15. France.

«ГОД ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ»

«Ты не нарушишь прав пришельца. Вспомни, что и ты был в рабстве в стране египетской» (Втор. 24, 7).
«Пришелец, живущий с вами, да будет вам как соотечественник и ты возлюбишь его как самого себя, ибо и вы были пришельцами в стране египетской» (Лев. 19, 34).

Беженцев насчитывалось около 40 миллионов после второй мировой войны. Теперь официальная статистика насчитывает около 15-16 миллионов. На деле же: те же 40 миллионов, если не больше, ибо не все считаются беженцами, о чем речь ниже.

Откуда они? Со всех стран света:

— «азнацы»: русские из Китая, Ирана и др. стран; китайцы в Гонк-Конге (около миллиона; быть может, самые жалкие!); северные вьетнамцы (800.000); корейцы (3 миллиона); голландцы с Суматры; пакистанцы в Индии, индусы в Пакистане, Тибетцы...

— «африканцы»: французы из Египта, Алжира; арабы из Палестины (около миллиона); алжирцы во Франции, Тунисе и Марокко (по данным французского правительства: около 80.000; по данным ООН, марокканского и тунисского правительств: около 180.000, из коит 80% — женщины и дети;

— «европейцы»: русские, испанцы, греки, сербы, венгры и другие «вырванные с корнем» из восточной Европы...

Всех не перечислить и не учесть. Официальные организмы стремятся разрешить часто неразрешимые задачи. Не раз приходится жертвовать правдой ради политической шепетильности: арабы не хотят «интегрировать» беженцев из Израиля, ибо это означало бы признать Израиль. В Греции около 80.000 греков из Сербии, Румынии, Болгарии, Албании и т. д. не считаются беженцами: «они, ведь, у себя на родине...»

Положение некоторых беженцев вообще невозможно разрешить; они легко становятся «отбросами» человечества, вне «прогресса» и «истории». Мы, русские, испытали это на себе, недавно же пострадали Ди-Пи и венгры. ...И это неудивительно в мире «социализма», где человек подчинен «общему благу», якобы человечеству, а на деле государственному строю, при котором человек лишь цифра. Строятся межпланетные самолеты, а между тем гибнут миллионы людей...

«Век шествует путем своим железным:
В сердцах — корысть, и общая мечта

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2

ш.в. 624

Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.»

(Баратынский)

Среди «признанных» беженцев многие обречены на смерть в лагерях, ибо какая страна захочет безоговорочно принять «неприменимых»: больных, неизлечимых, стариков? Но все же кое-кто откликнулся: скандинавские страны, Бельгия, Израиль, частично Франция.

Надо, конечно, учесть и то, что на переустройство хотя бы только этих 15 миллионов (а сколько новых их может оказаться завтра?) нужны не только миллиарды деньгами, перевозочные средства, международные договоры и т. п., но больше всего любовь, встревоженное сердце тех, кто живет в еще свободном мире.

Весной этого года группа английской молодежи решила воззвать к мировой совести, организовав «год помощи беженцам» — с 1 июля 1959 по 1 июля 1960 г. Задача ее — собирать по всему миру средства хотя бы на переустройство беженских лагерей и где возможно, на перевод беженцев на небоженское положение.

Призыв этот принят правительствами 59 стран, ООН берется за административную часть этого движения. Все прочее зависит от нашей отзывчивости: в порядке «массовой планировки» набранные средства дали бы возможность прежде всего: вывести 10.000 русских дальневосточных беженцев; облегчить участь 35.000 больных, стариков; устроить беженцев в Гонк-Конге, где люди живут прямо на улицах и площадях; упразднить необходимость лагерей в Австрии, Германии, Греции, Турции (ок. 60.000); улучшить жизнь арабских беженцев из Палестины и многое, многое другое...

В своем воззвании к протестантским и православным церквям, Экуменический Совет пишет:

«...беженец и его семья вот уж 10 лет является вызовом нашему свидетельству веры и милосердию. Они имеют право рассчитывать на помощь тех, Господь которых не имел где преклонить главу.

...Наша помощь не мотивировалась церковной принадлежностью опекаемых нами беженцев, — на деле большинство из них не принадлежало к церквям, состоящим в Экуменическом Совете. Нас понуждает действовать Христос...

...Наш комитет обращает внимание правительств и всех тех, кто занят этим вопросом на то, что беженцы так многочисленны и находятся в таком затруднительном состоянии, что одного года недостаточно, чтобы оказать всем им помощь. Однако он живо

надеется на то, что количество разрешенных частных случаев в этом году будет больше, чем в минувшие годы и что «Год Помощи Беженцам» вызовет более глубокое внимание к этой задаче.

... Мы вновь призываем вас к молитве, усилению вашего служения и постоянства вашей благотворительности*).

Прот. Валентин Бакст.

СЛОВО ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА О БОГОСЛОВСТВОВАНИИ

Удивляюсь я тем, немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему, не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая божеских вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся, — без благодати Св. Духа, дающего смысл и разум, трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что, тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что пред очами нашими, с дерзостью и без страха Божьего приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Св. Духа, просвещающего и научающего всему. Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что-либо о Боге. Ибо если трудно познать самого себя, и в настоящее время, в роде сем, весьма и весьма немногие знают себя и могут потому философствовать, — так как любовь к истинной философии иссякла по причине нерадения, овладевшего нами, и по причине мирских забот, господствующих в нас, предпочитающих небесному и вечному земное, временное и ничтожное, и даже совсем не сущее, т. е. грехи, — если, говорю, трудно познать себя самого, не тем ли паче трудно познать Бога? Это не только трудно, но даже совсем неразумно и бессмысленно пытаться и исследовать естество и существо Божие.

Чего же ради вы, о человеки, не заботитесь больше о том, чтоб увидеть себя в лучшем состоянии, но, не заботясь о своем исправлении, пытаете то, что касается Бога и божеских вещей? Нам надобно прежде перейти от смерти в жизнь, приять в себя свыше семя Бога живого, родиться от Него духовно, стать ча-

*) Подъотделом помощи беженцам во Франции является CIMADE 176, rue de Grenelle, Paris-7e. Tél.: SOLférimo 93-99. Текущий почтовый счёт: ССР. Paris 4.088.87. Туда следует обращаться с пожертвованиями и предложениями.

дами Ему, воспринять в души свои благодать Святого Духа, — и тогда уже, под действием просвещения от Святого Духа, приступать беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас, и сколько просвещаемы будем от самого Бога.

ДУХОВНЫЕ СИЛЫ В ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА.

1.

«Не хлебом единым жив будет человек»... Эти слова относятся к жизни не только отдельного человека, но и народов. Народы, как и отдельный человек, должны иметь тот источник вдохновения, который творчески орошает и оплодотворяет их жизнь и подымает их на высшую плоскость сравнительно с их природными данными, творчески расширяя их жизненные горизонты. Эти духовные начала есть самое ценное достояние в жизни народа; они его, и вместе с тем выше его, ибо они — те идеалы, согласно которым он стремится жить, и тот духовный масштаб, та духовная мерка, согласно которым он оценивает себя и свои действия и достижения, и нередко — в момент религиозного подъема и перелома — произносит суд над самим собой. Отрежьте эти корни духовной жизни, и нечем будет народу дышать духовно — он задохнется в сутолоке повседневной жизни и ее страстей.

Для русского народа таким основным питающим фоном, таким источником духовной жизни было христианское благовестие, принесенное ему Православной Восточной Церковью и представленное в его истории и жизни этой Православной Восточной Церковью. Русский народ в своей вере, в своей духовной жизни — часто весьма несовершенной жизни, полной грехов и недостатков, «ухватился» за самый центр христианского благовестия: снисхождение милосердного Бога к недостойному грешнику, кающемуся и пораженному Его милосердием. Евангельская история полна таких повествований: притчи о Блудном Сыне, о Мытаре и Фарисее, покаяние жены-грешницы, обращение Закхея, разбойник на кресте. Они нашли глубокий отклик в народной душе. Народная душа со всей силой сокрушенного чувства отзывается на такие слова из песнопений и молитв Великого Поста, как «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», «Разбойника Благоразумного», «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяния? кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?», «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Народ православный чувствовал себя недостойным грешником перед лицом Божиим и умилялся вместе с тем безмерному снисхождению спасающей любви Божией. С глубоким умилением следил он за словами и обрядами служб Страстной недели, рисующими это безмерное снисхождение — даже до мук и Креста и смерти — Единородного Сына Божия. «Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельская воинства ужасахуся, снисхождение славяще Твое». — «Днесь висит на древе иже на водах землю повесивый; венцем от терния облагается иже ангелов Царь; в ложную багряницу облачается одевая небо облаки».

Это созерцание двух, так сказать, «полюсов» — Божественного и человеческого, сочетание величия с бесконечным снисхождением, терпением и добровольным уничтожением Сына Божия, это созерцание, столь характерное для самых основ христианского благовестия («то, о чем мы слышали, что видели, что рассматривали своими глазами и что руки наши осязали» — это было «Слово Жизни», «Вечная Жизнь»), столь характерное для всего мирозерцания и литургического благочестия Православной Церкви, вместе с тем глубоко покорило и захватило глубины души русского народа. Образ страждущего Христа глубоко ему дорог и близок. Это была не славянофильская только восторженность и идеализация, заставившая Тютчева сказать эти слова:

«Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, страна родная,
В рабском виде Царь Небесный,
Исходил благословляя.»

Да, греховность, — ее было много в русском народе — и вместе с тем как часто была сердечная обращенность к образу страждущего Спасителя и к лику Его Милосердной Матери. Снисходящая спасающая любовь Божия, спасающая как раз и грешника, и именно грешника, — вот что поразило раз и навсегда душу русского народа. В этом отношении Достоевский в одной из основных его тем — обращение грешника, прикосновение благодати к сердцу грешника — глубоко народен. Вот почему так популярен в народном предании образ кающегося грешника, резко осудившего себя и меняющего свою жизнь (срвн. и в русской литературе, напр., образы Анания в «Горькой судьбине» Писемского, «Власа» Некрасова, кающегося Никиту и слова старика-отца во «Власти тьмы» Толстого).

Но не только страждущий Богочеловек, близкий к нам, к нашему страданию, не только благостный и смиренный учитель, имеющий власть прощать грехи, допускать к себе мытарей и блудни-

ков, но не в меньшей степени и Воскресший Господь, Победитель ада и тьмы, греха и смерти, навсегда покори́л душу русского народа. Об этом свидетельствует то огромное общенародное значение, которое в России имеет Светлый Праздник Воскресения Христова как в народной, так и в церковной жизни. Это был «праздник из праздников» и «торжество из торжеств». Лучи победы освещали в нем жизнь, давали новый смысл жизни, пронизывали ее отголоском Воскресения Христова. Победа Божия над силой ада и смерти — это то, под знаменем чего христианин совершает свой путь на земле и что дает ему отраду и надежду.

2.

На самую ткань жизни, жизни ежедневной, наложило свою печать христианство там, где оно творчески воздействовало на народную душу. Русский человек нередко был склонен к эмоциональному беспорядку, к отсутствию дисциплины, к «размаху», который порою переходил в хаос, а в некоторых кругах интеллигенции (как и в бабах-кликушах) особенно в начале 20-го века, нередко порождал истерию, ярко представленную, например, писателями-«символистами». Православная Церковь — великая воспитательница народной души, насаждала в русском человеке дух трезвости, внутренней меры, смирения, мужественности и духовного подвига, подчиняющего внешнюю эмоциональность просветленным законам духовной жизни. Великие старцы и наставники духовной жизни были живыми носителями и примерами этого подвига. Но этот идеал трезвости, «благолепия», «благообразия» духовного захватывал и широкие круги народа. Соединение скромности, смирения с каким-то внутренним достоинством человека-христианина было характерно для многих живых представителей христианского мирозерцания в народной среде. Примеров можно привести бесконечное количество. Но из литературных примеров, может быть, один из особенно ярких, это — сцена в «Декабристах» Л. Н. Толстого, как деревенская старуха Тихоновна, в хлопотах о своем несправедливо заключенном муже, отправляется в Москву, в московскую усадьбу своих господ Чернышевых. Робко входит она в большую «людскую» избу. Это для нее — выход в большой незнакомый свет. Критические взоры столичной прислуги встречают ее. Но она так подлинна в своем деревенском праздничном наряде, в своих белых онучах так истово кланяется она сначала три раза перед иконой, а потом уже на все стороны присутствующим, что смешки смолкают. Есть внутренняя подлинность, внутреннее достоинство в этих смиренных, часто совсем простых

людях, внушающее уважение. Это «благообразие» духовное предносилось как идеал многим крепким в вере и отцовском благочестии русским людям и осуществлялось многими из них. Оно наложило свою печать, напр., на патриархальные формы русского религиозно-укорененного семейного быта в самых различных слоях русского населения, начиная от крепких крестьянских семей, особенно, напр., старообрядческих, и кончая связанными с духовной традицией предков семьями купечества, духовенства и дворянско-аристократического класса. Стержнем благочестивой русской семьи является родительское благословение, о котором говорится уже в русских былинах об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче, о Дюке и даже в былине о Ваське Буслаеве. Преподание родительского благословения новобрачным обставлялось особенно торжественно; ряд примеров, взятые из крестьянской среды различных русских губерний, собраны, напр., у Терещенки в его книге «Быт русского народа», вышедшей более ста лет тому назад (1848 г.). Носительницей, особенно чтимым символом этого благословенного духовного наследия предков была дедовская икона, переходившая из поколения в поколение. Она представляла собой невидимое присутствие Божие в семье и нерушимую духовную связь с предками и благословение родителей.

Мать-христианка является часто духовным питающим центром христианской семьи. Ее воздействие на детей бывало огромно. Она часто была главным проводником религиозного начала в жизни семьи. Вспомним, напр., что говорили о своих духовно очень замечательных матерях такие выдающиеся русские люди, как А. С. Хомяков или философ, князь Е. Н. Трубецкой, признававшие решающее, основоположное влияние своих матерей-христианок на всю свою духовную жизнь. Благодатная жизнь Церкви вливалась в семью особенно сильно через посредство матери (и в прежние времена и поныне).

3.

Русская культура была глубоко и решающим образом оплодотворена религиозным началом, черпала свое творческое вдохновение в значительной степени из источников своего христианского опыта. Остановлюсь лишь на некоторых проявлениях этих христианских начал в русской культуре.

Через всю русскую классическую литературу 19-го века красной нитью проходит проповедь жалости к страждущему брату и провозглашение великого достоинства человека, кто бы он ни был и к какой бы среде, к какому бы слою он ни принадлежал. Над русской классической литературой 19-го века можно было

бы надписать в виде эпитафии слова Пушкина: «Милость к падшим призывал». Вспомним галерею бедных, забытых «маленьких», страждущих людей в русской литературе, «Бедных людей», «Униженных и оскорбленных», людей из «Мертвого Дома» Достоевского, всех этих преступников, блудниц, пьяниц, которых он изображает с сочувствующим состраданием, в которых он, среди грязи и разврата, находит загаченную, еще теплящуюся искру Божию. Вспомним мягкий, сострадательный юмор великого человеколюбца Чехова, любовь Толстого к простым людям. Русская классическая литература 19-го века явилась и является великой учительницей христианской любви, из которой она и почерпала свою великую, нравственно двигающую силу, вылившуюся при этом не в сухих каких-либо прописях, а в великих живых произведениях искусства. Школа любви, школа признания ценности индивидуального лица каждого человека — как это абсолютно противоположно большевистской проповеди! И этому суждено одержать победу над ней. Недаром в Советской России так зачитываются русскими великими классиками 19-го века. Здесь — один из прорывов в большевистском духовном фронте, уже осуществляющихся теперь прорывов.

Можно сказать, и не без основания, что и дух простоты и подлинности, столь характерный для русской великой литературы 19-го века, имеет религиозные корни, вдохновлен духом, живущим в Православной Церкви, в ее великих святых и подвижниках. Трезвенность, сдержанность духовная, глубокое смирение и простота сердца, в которой сказывается истинное величие духа, как это характерно — мы уже видели — для ее духовной традиции, для высот ее религиозной жизни!

Не повлияло ли это на поразительную трезвенность и лаконическую сдержанность, и внутреннюю целомудренность стиля, которые поражают нас в величайших лирических творениях Пушкина и Тютчева?

Воздействие Православной Церкви на все развитие русской культуры вообще многообразно, трудно поддается учету по своему богатству и многообразию. Не буду останавливаться на изумительных произведениях русского церковного искусства — на древних русских иконах и русском религиозном зодчестве. Но хочу сказать несколько слов о весьма ярком и оригинальном развитии русской религиозной мысли.

Русская религиозная мысль нового времени, особенно в лице Ивана Киреевского (1806—1856) и А. С. Хомякова (1804—1860), которых можно считать родоначальниками, представляет замечательный синтез между данными западной философии и традициями внутренней жизни восточного христианства. Недаром И. Киреевский

в письме к Хомякову 1839 года называет Исаака Сирина величайшим христианским мыслителем. Истинное познание Божественного дается только при изменении моего внутреннего «я», при вращении моем в божественную действительность. Я должен сам измениться, сам переродиться, сам преобразиться, и только так становлюсь я способным постигать Истину не словами, а сущственно. Познание Истины есть новая жизнь, жизнь обновленного духа, захватывающая всего человека, его волю и чувства и внутреннее познание, а не только логические схемы. Кто знает об Истине только по наслышке и не живет ею, подобен, согласно Исааку Сирину, человеку, желающему утолить свою жажду водой, нарисованной на стене. Все учение Киреевского о познании истины может рассматриваться как комментарий к этим словам апостола Павла во 2-ом Послании к Коринфянам: «Мы же с открытым лицом, взирая на славу Божию, мы сами преобразуемся из славы в славу, как от Господня Духа». Воздействие Духа Божия в «сборности» братской любви, объединяющей нас друг с другом, силою Духа, причем принцип свободы личности органически соединяется с принципом братского общения, — вот основная тема Хомякова. Свобода морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющая нас воедино с братьями в великий живой организм единого Тела Христова, вот что, по убеждению Хомякова, есть смысл жизни и истории человечества. И национальная жизнь призвана служить этому великому объединению всех людей в Боге, в Истине Божией, в живом организме Тела Христова.

«О вспомни свой удел высокий», —
— говорит он России,

«Былое в сердце воскреси,
И в нем сокровитного глубоко
Ты Духа Жизни допроси!»

Для Достоевского (который был не только великим художником, но одним из великих христианских пастырей нового времени) ответ на обуревающие нас сомнения, на наши страдания, на несправедливость, царящую в мире, на нужду, нищету, на глубинную нравственного падения человека, ответ на то, что мы в смысле жизни и в истине, и правде Божией начинаем сомневаться, — дан только в одном, в образе Христа, который сам раскрывается нам, в глубинах сердца нашего, как Имеющий власть прощать, как безмерно Снисходящий к нашему страданию и падению, как Милующий и Восстанавливающий нас как Сам Свидетельствующий сердцу нашему о действительности Истины и Любви, которые он есть Сам. В Любви Божией, снисходящей к нам во Христе, и в нашей не-

посредственной встрече с Ним (ибо другого доказательства нет, кроме этой встречи) раскрывается для болезненно-чуткого, для душевно взбудораженного и мятущегося Достоевского смысл и цель жизни и страдания нашего, освящение жизни и предчувствуемое уже теперь преобразование мира (как у старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», или у странника Макара Ивановича в «Подростке»). Достоевский в своем мирозерцании глубоко христоцентричен и вместе с тем глубоко народен. Не закрывая глаза на всю мерзость падения, на которую способен русский народ, он продолжает любить его даже в падении его (хотя оно ему омерзительно) и верит в его восстановление силою Божией.

4.

Ибо христианство, как мы знаем, влияло не только на эстетическую культуру, на литературу, на религиозную философию русского народа, не только на патриархальный быт благочестивых семей, оно оказывало воздействие на весь поток исторической жизни русского народа среди всех его падений и недочетов, оно часто было ему маяком среди мрака его страдания и собственного греха. То, что мы говорили о покаянной стихии, захватывающей русского человека, напр., в богослужениях Великого Поста и особенно ярко проявляющейся в отдельных случаях обращения тяжкого грешника к Богу, — это относится в значительной степени и к жизни и к судьбам русского народа в его совокупности.

Уже в летописи Нестора под 1093 годом, при описании страшного набега половцев и мук русских людей, особенно же отведенных в плен, усиленно проводится мысль, что это есть попущение Божие в наказание за грехи народа. Это чувство вины своей перед Богом и что Бог карает нас за грехи наши, часто пробуждалось в самых широких кругах народа в моменты кризисов или горя народного. Об этом свидетельствует, напр., то широко распространенное в Смутное Время сказание о некоем благочестивом человеке, который в видении был перенесен в какую-то большую церковь и видел, как Матерь Божия слезно молила Сына Своего простить грех заблудших и впавших в глубину греха русских людей*).

То же сознание всенародного беззакония и необходимости покаяния проступает в известном видении 1521 года, которое имела (по свидетельству стольника Лызлова) некая слепая монахиня Вознесенского Монастыря в Кремле. Она видела, как через Спас-

*) Различные редакции этого видения помещены в 13 томе Сборника Императорского Исторического Общества, посвященном Смутному времени.

ские ворота выходили из Кремля все святые, почивающие в кремлевских соборах, унося с собой Владимирскую икону Божией Матери, чтобы предоставить Русь и Москву насылаемой на них каре Божией. Но навстречу им вышли Сергей Радонежский и Варлаамий Хутынский и умоляли святых вернуться и не отказываться от своего предстательства перед Богом за русский народ. Та же идея необходимости покаяния пророчески звучит в конце «Бесов» Достоевского. Под знаменем этого покаяния в своих грехах перед Богом только и мыслимо и в наши дни действительное возрождение России и избавление ее от темных сил, действующих в большевизме.

И активному служению ближним учила Церковь русских людей. Живым примером такого любвеобильного служения ближнему были, напр., Оптиные старцы 19-го века. И был ряд предстоятелей Церкви, которые бестрепетно выступали за правду перед сильными мира сего и обличали их, не боясь смерти. Так Феодосий Печерский обличал великого князя Святослава за незаконный захват им киевского престола. Так же мужественно обличали князей за неправду и другие печерские подвижники — Григорий Чудотворец (князя Ростислава) и игумен Иоанн (великого князя Святотополка II). Св. Григорий Вологодский в 1430 году мужественно выступает с обличением против Димитрия Шемяки за незаконно начатую междуусобную войну. «Князь Димитрий», говорит он ему, «разве ты не читал в Писании: Суд без милости не оказавшему милости?» Вспомним мужественный подвиг свидетельства о правде митрополита Филиппа Московского, запечатленный его мученической смертью, и особенно близко нас касающийся и близко нас захватывающий подвиг бесчисленных мучеников и исповедников последних лет в Советской России.

Высший цвет человечества — в лице святых его. Они как бы теперь уже являются переходом, тут, среди нас, к высшей степени бытия и тем самым служат живыми свидетелями этой божественной действительности. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведшей их, но они не укладываются в рамки только национальные, как вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Русские святые одновременно сверхнациональны, ибо из сверхнационального и Вечного черпают они силу свою, и вместе с тем они — высшее достижение русского народа. В них русский народ ощущал близость Божию. Они уходили в леса и пустыни и болота, на берега пустынных озер и рек, на далекие, дикие острова, и народ шел к ним, ибо знал, что великие силы, великие возможности любви и горения духовного и помощи ближнему вырабатаны ими в этом их молитвенном уединении, и получал помощь

от них. Имена их бесчисленны. А другие оставались в мирской обстановке и светили в ней. Вспомним, напр., уже Завещание Владимира Мономаха детям своим и характеристики его и других благочестивых и праведных князей в Древней Летописи.

Суровый подвиг личный, соединенный с любвеобильным служением ближнему, смирение и трезвенность и простота, детская простота сердца, сочетающаяся с великой мудростью духовной, с даром «различения», духовный такт и горение духа, просветляющее всю окружающую духовную атмосферу (которые сочетаются, напр., в лице Серафима Саровского) — вот характерные черты высшего проявления в жизни русского народа не религиозных только — нет, свыше, из другой, сверхсубъективной области приходящих сил, свидетельствующих о другой, высшей действительности. Особенно же ярко и наглядно проявилось это свидетельство, как мы указывали, в подвиге мучеников и исповедников, бесчисленных — причем имена только некоторых нам известны, пострадавших при большевиках за веру Христову. Вспомним, напр., имена митрополита Вениамина Петроградского, митрополита Арсения Новгородского, митрополита Петра Крутицкого, епископа Дамаскина Глуховского, архиепископа Иллариона, многочисленных Соловецких мучеников-исповедников, и многих, многих других...

Одной чертой русской религиозности хочу я закончить. В центре ее — как мы уже говорили — стоит радость о Воскресении Христовом, радость о победе Сына Божия — через распятие и воскресение Свое — над силами ада и тьмы и смерти. Вот эта вера в победу Божию, эта радость воскресения, этот дух первохристианской проповеди, живущий в ней («Сия есть победа, победившая мир — вера наша» — 1 Иоан. 5, 4), и есть тот стержень духовный, то знамя духовное, которое поможет русскому народу в его борьбе против темных сил Зла и Лжи за Правду Божию.

Николай Арсеньев

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Г л а в а II

ПУШКИН И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

(Баратынский, Веневитинов.)

I

Пушкин был гениальный поэт, но он был и выдающимся мыслителем, — о последнем очень обстоятельно и хорошо написал недавно С. Л. Франк в своей книге «Этюды о Пушкине».

Но в настоящем очерке нас занимает не мирозерцание Пушкина, не те или иные его мысли, часто выраженные в стихотворной форме (особенно в «Евгении Онегине»), а те идейные перспективы, какие раскрывались перед ним в его поэтическом творчестве, сквозь «магический кристалл». Наша тема — философские мотивы в поэзии Пушкина. Как сам он пишет, когда «на мир воображения» он «бывало музу призывал», — тогда

яркие видения
С неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной;
В часы ночного вдохновения
Все волновало нежный ум...

Эти видения поэта и есть для нас самое драгоценное. В другом прославленном стихотворении «Художник варвар» Пушкин касается той же темы и пишет о том, что «краски чуждые», которыми художник варвар «чернит» первоначальный рисунок, — «с летами...»

Спадают ветхой чешуей;
Создание гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблуждения
С измученной души моей,
И возникают в ней видения
Первоначальных, чистых дней.

Эти «видения» и есть самое интересное для нас — именно в них и надо искать, как в непосредственных интуициях поэта, те философские мотивы, которые вплетались в его поэтические созерцания.

Первое, что прежде всего бросается в глаза при чтении произведений Пушкина, — это его исключительная восприимчивость к красоте. Он жил больше всего и прежде всего своими эстетическими переживаниями, — и эта эстетическая восприимчивость Пушкина была драгоценнейшей его особенностью. По своей широте она универсальна, по своей глубине она проникает в то, что скрыто от внешнего взора. В явлениях природной жизни, в встречах с людьми Пушкин отзывается даже на «мимолетные видения», которые «на мгновение» дают ему живое ощущение красоты. Это **приятие мира** тем поразительнее у Пушкина, что общий склад души его был меланхолический — им часто овладевало уныние; однако даже осень, которую он сам называл «унылой

порой», своей поэзией увядания жизни, своим «очей очарованием» питала его душу. Он писал даже:

С каждой осенью я расцветаю вновь,
Я забываю мир и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображением,
И пробуждается поэзия во мне.

Чтобы войти в то, что вызывала природа в душе Пушкина, лучше всего взять его стихи «К морю»:

«Прощай, свободная стихия!»

Эта свободная стихия влекла к себе Пушкина, но вот, что мы читаем в этом стихотворении:

Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим.
Ты ждал, ты звал... я был окован,
Вотще рвалась душа моя;
Могучей страстью очарован
У берегов остался я.

Свободная стихия моря звала, **ждала** (какое слово!) Пушкина — но он остался у берега; красота моря не победила того, что делало его «тихим и туманным». К тому же Пушкин, любя природу, знал ее **равнодушие** к судьбе человека. Это слово «равнодушие» принадлежит самому Пушкину — вот его известные стихи:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И **равнодушная природа**
Красою вечною сиять.

Это не пессимизм, это есть трагическое ощущение затерянности человека в бытии, — и отсюда постоянное уныние у Пушкина:

От ямщика до первого поэта
Мы все поем уныло.

И еще:

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.

Но Пушкин, конечно, знал и другое — знал творческий подъем, радость и бодрость именно потому, что любил природу. Тут открывался для него путь к творчеству и даже — к Богу. Вот его стихотворение «Монастырь на Кавказе»:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами;
Твой монастырь за облаками
Царит, чуть видный над горами.
Далекий, **вожделенный брег!**

Стихотворение кончается неожиданным признанием:

Туда б, в заоблачную келью
В соседство Бога скряться мне!

Что Пушкин правдив в этих словах, не может быть никакого сомнения; одна из поразительных черт его поэзии, создающая непобедимое очарование его, — это то, что Пушкин ничего не «сочиняет» в своей лирике. Он всегда и во всем правдив, — душа его действительно искала «соседства Бога». Оттого и самое призвание поэта преобразуется у него в **служение Богу**, поэт должен «исполниться волей Божией» и стать пророком.

Свою душу Пушкин знал хорошо и никогда не лгал самому себе, — он знал, как владели им страсти:

Когда на память мне неволью
Придет внушенный ими ⁽¹⁾ стих,
Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идолов моих.

Но эти страсти не могли устоять перед действием красоты — хотя бы видение красоты длилось лишь одно «чудное мгновение» — тут всегда наступало пробуждение души. В красоте для Пушкина была «святыня», перед которой он склонялся в «благоговении» (слова из стихотворения «Красавицы»), красота была для него **откровением святыни**. В истории русской эстетической мысли никто так глубоко и так правдиво не говорил о преобразующей силе красоты, как Пушкин. Даже в демонической стихии видение красоты рождает «жар невольного умиления». Вот строки из стихотворения «Ангел» — где демон взирает на чистого ангела и умиление снисходит в его душу:

1) Светскими красавицами.

Прости, он рек, тебя я видел
И ты недаром мне сиял,
Не все я в мире ненавидел,
Не все я в мире презирал.

Благоговение перед «святыней красоты» не есть обычное эстетическое любование, оно **очищает душу** («краски чуждые спадают ветхой чешуей»). В этом действии красоты на душу Пушкин показывает нам, что дает нам эстетическая восприимчивость, и здесь Пушкин стоит на недостижимой высоте в понимании эстетической сферы в человеке. Никто в русской эстетике не выразил с такой четкостью и глубиной значение эстетических переживаний, их место в жизни души. В его признаниях об очищающей силе «благоговения перед святыней красоты» мы имеем драгоценнейшее **откровение о человеке**, выраженное Пушкиным вне всяких теорий (типа теории Шиллера), о смысле и силе эстетических переживаний. Поэтический огонь, рождающийся от встречи с красотой, вскрывает не только то, где **лежит источник творческой энергии в человеке**, но вводит нас в тайну **преображения** человека. В самом Пушкине эта преобразующая сила эстетических переживаний без труда сбрасывала «ветхую чешую» «чуждых красок» и возвращала его к «первоначальным, чистым дням».

Все это тем более ценно, что это не теоретические построения, а живое свидетельство самой жизни Пушкина. Он сам был постоянно во власти страстей и однажды написал:

И всюду страсти роковые...

Это прежде всего относится к нему самому, — но Пушкин умел и освободиться от этих страстей. Вот замечательные строки (из «Разговора книгопродавца с поэтом»), уже приведенные нами, свидетельствующие о том, как умел Пушкин очищаться от страстей:

Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идиолов моих.

Когда входит в душу «видение чистой красоты», тогда

Сердце бьется в упоеньи
И для него (поэта) воскресли вновь
И божество и вдохновенье
И жизнь, и слезы, и любовь.

Неужели и Божество? Да! Мы уже приводили строки из стихотворения «Ангел», — где **демон**, взирая на чистого ангела, чувствует «жар невольного умиления». В красоте есть святыня, — и когда на Пушкина налетали сомнения в подлинности этой святыни, он переживал это, как тяжкое искушение. Вот стихотворение «Демон», говорящее об этом:

Какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня;
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он Провиденье искушал,
Он звал прекрасное — мечтою,
Он вдохновенье презирал,
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Самое страшное для Пушкина искушение было в том, что «прекрасное» объявлялось мечтою, то-есть просто субъективным переживанием, которому не соответствует никакая реальность. Невольно вспоминается учение Ed. Hartmann'a в его ученической книге, посвященной эстетике, где Hartmann называет красоту (эстетический «объект») — **Schein** («видимость» — мечта). Но Пушкина это не сбивало с его пути; красота оставалась для него «откровением святыни», несмотря на все те «чуждые краски», которые в форме страстей искажают душу человека.

О том, как страсти владеют человеком, Пушкин знал и по себе, знал и по другим людям. Сказал же он однажды:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.

Страсти ревности, скупости, зависти — все это Пушкин изображал не раз, а о страстной влюбленности, которой он так сильно был сам подвержен, он написал однажды:

Любовью шутит сатана.

Знал Пушкин и о других темных движениях души, о ее антиномичности, — достаточно вспомнить «Пир во время чумы»:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения.

Пушкин все это знал, но всегда перед ним вставал и другой лик человека. Вот его удивительный «Романс»:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно видение
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.

Перед нами цельный дух — пламенный и прямой. Пусть жизнь его кончилась печально («Все безмолвный, все печальный — как безумец умер он»), но перед нами чистый образ души «смелой и прямой», прошедшей свой путь без колебаний, без искушений.

Сам Пушкин тоже «смело и прямо» поклонялся «святыне красоты», и никакие демонические наветы не могли смутить его. Вершиной своей поэтической задачи он считал то, чтобы «быть послушным велению Божию» (Пророк). Преображение поэта в пророка, которому Бог повелевает «глаголом жечь сердца людей», отвечало самым глубоким исканиям Пушкина.

Среди всех поэтических откровений Пушкина отметим его чувство родины. Вот, что писал он Чаадаеву в ответ на его знаменитое «Философическое письмо», в котором Чаадаев отвергал прошлое России: «Я далек от восхищения всем, что я вижу кругом себя; как писатель, я огорчен, как человек с предрассудками, я оскорблен, — но клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, не иметь другой истории, как истории наших предков, как послал ее нам Бог». Это больше, чем патриотизм, это есть интуитивное переживание неразрывной связи с родиной. Вот его знаменитые стихи об этом:

Два чувства равно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

Эти чудные слова о родной земле как «животворящей святыне» тем более говорят нам, что они продиктованы подлинным вдохновением.

Подводя итоги всему сказанному, надо еще отметить, что самое замечательное у Пушкина, что требует (и ждет еще) философского своего раскрытия, — это живое чувство «святыни красоты». В русской эстетике Пушкин являет нам несравненный и непревзойденный пример такого понимания эстетической сферы, такой ясности и правды эстетических интуиций, которые впервые раскрывают значение и **смысл** эстетических переживаний. Пушкину совершенно чужд и **эстетический гедонизм** (остановка на внешней красоте звуков, красок, слов...), он свободен от влияния всяких **внеэстетических** тенденций, которыми так затемняются пути искусства и искажаются проблемы эстетики. Пушкину был чужд **эстетический гуманизм** (1), который возник на Западе в недрах секулярной культуры и был призван к тому, чтобы заместить исчезавшее религиозное чувство. В силу ряда причин этот эстетический гуманизм, наивно отождествлявший эстетическую и моральную жизнь, имел (может быть и сейчас имеет) необыкновенный успех и влияние в русском обществе (достаточно вспомнить одного Герцена!). Пушкину были чужды и те мудрствования вокруг эстетической сферы, которые с легкой руки Вл. Соловьева, привели к ложной идее «теургического» понимания искусства, т. е. **подчинения** его привходящим извне религиозным задачам. Из этого развился туманный и двусмысленный русский символизм, преодоление которого с трудом далось русской мысли (у Бердяева и о. С. Булгакова) (2). Все это было совершенно чуждо Пушкину; его «благоговение перед святыней красоты» звало его к **преображению** поэта в пророка, который должен отдать себя «велению Божию», но это не убивало эстетической сферы, а лишь раскрывало ее таинственную правду, ее служение «святыне» красоты.

1) К истории и анализу «эстетического гуманизма», см. мою «Историю русской философии», том I.

2) См. об этом мой немецкий этюд «Zur Geschichte d. aestetischen Ideen Russlands XIX-XX Jahrh.» (1958).

В диалектике и блужданиях эстетического сознания в новое время именно Пушкину принадлежит великая заслуга раскрытия того, что эстетическое восприятие мира влечет к «соседству Бога». Пушкину совершенно чужды игра с красотой, как у Дон-Жуана, и самозамыкание эстетической сферы в самой себе («искусство для искусства»); эстетическое восприятие бытия должно поэта преобразовать в пророка, но не так как у Вяч. Иванова или Блока, а чтобы поэзией служить Богу.

Второе, что дает в обилии философской мысли поэзия Пушкина, это его постоянное устремление к духовному преображению. Он знал страсти, он жил ими, но в минуты просветления, когда на крыльях вдохновения поднимался он над реальностью, он жаждал этого возрождения. Здесь он черпал свою веру в человека. Торжество правды выросло у него как раз из чувства «святости красоты».

Гоголь позднее писал, что «нельзя повторять Пушкина», в котором он видел лишь умение любоваться жизнью и воспроизводить это поэтически. Гоголь хотел, чтобы поэзия служила обновлению человечества, преображению его. Но к этому как раз и звал Пушкин и себя и других.

Обратимся от Пушкина к его современникам и выделим из них только двух поэтов — Баратынского и Веневитинова. Они неравны и по дарованию и по продолжительности их творчества (Баратынский прожил 44 года, Веневитинов 22 года), но оба они были поэтами мысли, их поэтическое творчество было средством мышления. В этом они и интересны нам.

Сам Баратынский писал о своей поэзии, о своей музе, что

Поражен мельком бывает свет
Ее лица **необщим** выражением,

и это верно отмечает своеобразие Баратынского. Он во всем идет своим путем, у него и стиль свой, особенный. Его принято считать «поэтом мысли», но это скорее умаляет поэтическую силу его произведений. Обилие мыслей и особая манера их выражать не должны закрывать глаза на то, что он был прежде всего подлинный поэт.

О память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной.

Эти два стиха отодвигают к сердцу истоки его вдохновения, и если его поэзия действительно богата мыслями, то это все же не самое существенное у него. Его душа ранена сознанием бренности всего, — и оттуда глубокая печаль в нем.

Познай же тления незыблемый закон —
Все гибнет, все падет — и грады, и державы.

Вот другое выражение той же тоски сердца у Баратынского:

Все своей чредой исчезнет в бездне Леты
Для всех один закон — закон уничтожения.

Баратынский признает: «В печаль влюбились мы». Он приветствует смерть:

Смерть дщерью тьмы не назову я

О светозарная краса!

В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Это своеобразное чувство смерти не погашает однако печали в сердце Баратынского, но делает его, как выразился Гоголь, «чуждым» всему. Когда Баратынский попал в Италию, то он просто не заметил, не почувствовал красоты Италии, но остановился вниманием лишь на руинах в Риме:

К немym развалинам твоим
Подходит с грустью чуждый посетитель

Так и остался Баратынский «чужд» красоте мира:

Красой далеких стран
Не очаровано мое воображение.

В стихотворении «Последняя смерть» поэтическая характеристика разных исторических эпох кончается картиной всеобщей смерти:

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась.

Нечего удивляться, что с такой настойчивой интуицией всеобщего умирания, Баратынский отталкивается от так называемой «цивилизации», успехи которой только раздражают его. Вот как в замечательном стихотворении «Последний поэт» рисует он современность:

Все шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, — и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.

Исчезли при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны.
И не о ней хлопочут поколения
Промышленным заботам преданы.

Для поэзии нет места в этих условиях! Когда пришла например весть об освобождении Греции («для ликующей свободы вновь Эллада ожила»), то конечно там появилось просвещение, расцвела промышленность, но —

Не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз.

Во всем этом отталкивании Баратынского от современности важна не причина ее, не острые слова о «цивилизации», а важно то чувство Баратынского, что по его поэтической оценке современности, уходит от людей правда, исчезают «ребяческие сны поэзии» и сухая проза царит над всем.

Как видим, у Баратынского над всем доминирует **неприятие** и современности и бытия вообще, в остром противоречии с тем светлым восприятием мира, которое было присуще Пушкину.

От Веневитинова осталось небольшое наследство ⁽¹⁾, но у него поэтическое вдохновение было действительно неотделимо от работы мысли; по его формуле, «истинные поэты всегда были глубокими мыслителями, были философами». К нему самому можно применить его стихи:

Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились.

Веневитинов больше успел (хотя тоже мало) выразить себя в теоретических статьях; в поэзии его наследство совсем мало, но в плеяде Пушкинской его имя не затерялось, — и то внутреннее единство чувства и мысли, которое мы прослеживаем в русской поэзии, было у него подлинным и глубоким. Жизнь Веневитинова оборвалась рано, — и его творческие силы остались нераскрытыми.

Прот. В. Зеньковский

1) См. прекрасное издание его сочинений, Academia 1939.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ИУДЕЕВ В ВАВИЛОНЕ*)

1. Вавилонский плен

Долгое время в либеральной библейской науке принято было считать, что вавилонский плен был именно тем периодом истории Израиля, в течение которого ветхозаветная религия оказалась полностью созданной со всеми своими духовными ценностями. Но взгляд этот, во-первых, совершенно сводит на нет показания библейских текстов до-пленного периода, сохранившихся хотя бы в книгах исторических и пророческих. Во-вторых, он приводит к совершенно неправдоподобному историческому построению. Трудно себе представить каким образом Израиль, находившийся, по утверждению классической исторической критики, на низком культурном и духовном уровне, обладавший, по ее же мнению, грубым религиозным идеалом, смог, оказавшись в стране материально более культурной, но языческой и морально развалившейся, путем чисто естественного развития породить в какие-нибудь пятьдесят лет вавилонского плена самую совершенную из всех религий древнего мира.

Но, отвергая эту схему, отправляющуюся от предвзятых предпосылок и упрощающую историю, нельзя не отметить, что в истории израильской религии вавилонский плен по своему религиозному значению может быть сопоставлен с эпохой выхода Израиля из Египта и его странствования в пустыне. Сопоставление это делают сами боговдохновенные свидетели: не даром Исх. 43, 16-21 и 52, 12 говорят о конце вавилонского плена, как о новом Исходе. В событиях, которыми сопровождался выход Израиля из Египта и которые сразу же за ним последовали, совершилось духовное его рождение, как богоизбранного народа. Бог Авраама, Исаака и Иакова, который доселе был только Богом семьи патриарха, стал Богом целого народа, явив Себя ему в исторических свершениях (Исх. 14, 31): появился ягвизм, возникла связанная с ним израильская теократия. Вавилонский же плен породил **иудаизм** и способствовал появлению ветхозаветного государства — Церкви. Таковы два основных, решающих кризиса истории Израиля. И здесь и там мы имеем резкий разрыв Израиля с осужденным Богом своим еще недавним прошлым и его вступление на новый исторический и религиозный путь. Но второй из этих двух кризисов понятен только потому, что первый уже имел место и потому, что он яв-

*) Глава из готовящейся книги: «Священная История В. Завета от Вавилонского плена до времени Христа».

ляется его необходимым следствием. Как же сказался этот второй большой кризис израильской истории в жизни вывезенных в плен?

2. Свидетели духовного обращения иудеев в Вавилоне

Некоторые страницы Ветхого Завета нам достаточно освещают то внутреннее обращение, которое пережили во время своего пребывания вдали от родины переселенные в Вавилон иудеи. В этом отношении, прежде всего, надо указать книгу пророка Иезекииля. Сам Иезекииль является одним из тех, кто больше всего этому обращению способствовал. Он удачно сочетал в себе древний профетизм и священнический ритуализм, который, до этого, часто были друг с другом в разрыве. От Иезекииля берет свое начало то течение в после пленном благочестии, которое проявилось в стремлении к ограждению ритуальной святости, к отделению от языческого мира, к углублению в Закон, в апокалиптику, т. е. в проникновение в сокровенный смысл истории. От него же пошло течение, выразившееся в размышлении над религиозно-практическими проблемами, и породившее так называемую хохмическую письменность, пытавшуюся постигнуть, как это указывает ее название, тайны Божественной Премудрости — Хохмы — Софии. Но к этим всем темам мы подробно вернемся в связи с религиозными верованиями и настроениями Израиля в последующие периоды его истории.

Но Иезекииль также говорит о внутреннем обновлении, о замене каменного сердца сердцем плотным (11, 19, ср. 18, 31), о новом Духе, который Бог даст Израилю (36, 26), об обновляющем действии божественной благодати (гл. 57). В этом отношении он является продолжателем основной линии пророка Иеремии. И потому другим показателем внутренней перемены, происшедшей у переселенных в Вавилон, является та судьба, которую после смерти Иеремии, получило у них его литературное наследство. При жизни Иеремия был всеми отвергаем и знал одни только гонения. Но после смерти он неожиданно становится одним из главных духовных вождей пленного, а затем после пленного иудейства. Следы его влияния встречаются у Иезекииля (Иез. 16, 62; 34, 25; 36, 25-28), во второй части книги Исаии (Ис. 42, 62; 49, 1, 8; 51, 7; 53, 7-8, 59, 26) и выявляются во всей полноте после плена в благочестии так называемых «анавим», или бедных Израиля, предшественников тех нищих духом, о которых Евангелие говорит, что их есть Царство Небесное (Мф. 5, 3; Лк. 6, 20). (I). И, наконец, таким же свидетелем духовного состояния пленных является ано-

1) См. А. Gelin, *Les pauvres d'Israël*, Paris

нимная «Книга Утешения», составляющая вторую часть книги Исаии (Ис. 40-55 и м. б. 60-62) и условно именуемая как произведение Второисаии. Проповедь ее автора прозвучала перед самым концом плена, поддерживая у пленных духовное усилие, пробуждая у них надежды на скорое возвращение на родную землю, возжигая мессианские чаяния и раскрывая смысл пережитого испытания. К ней мы еще вернемся, когда будем говорить о начале после пленной эпохи. Сейчас же наметим те плоды, которые пророческая проповедь породила среди иудейских пленных в Вавилоне.

3. О некоторых проявлениях духовного перерождения Израиля в вавилонском плену

Углубление внутреннего религиозного опыта.

Духовное обновление, пережитое Израилем в плену выразилось в усилении религиозного чувства через обогащение его новыми переживаниями. Сила этого обновленного религиозного чувства проявилась со всей яркостью после 538 г., в момент восстановления Иерусалимского центра. Об его углублении свидетельствуют те имена, которые стали давать детям, рождающимся в плену, как например: Ягве милует, Ягве оказывает благодать, Ягве с нами и т. д., как это явствует хотя бы из списков свидетельских имен, помеченных в документах архива Мурашу*), а также из

*) Документы, найденные в развалинах древнего Ниппура в конце XIX века представляют собой часть архива большого банковского дела, поставленного под фирмой «Мурашу с сыновьями». Фирма эта процветала в городе Ниппуре, во второй половине V-го века, при царях Артаксерксе I (465—424) и Дарии II (429—404). То, что было обнаружено, представляет собой несколько сот глиняных табличек с составленными на них документами чисто коммерческого характера. Это — денежные расписки ордера на доставку товаров, договоры по всевозможным сделкам. К большинству этих документов приложены длинные списки имен свидетелей.

Из всех этих документов явствует, что эта иудейская банкирская фирма не вела только банковские операции и не ограничивалась для своих дел одной только территорией бывшего вавилонского царства. Она вела сношения с персами, мидянами, халдеями, арамеями и занималась продажей и сдачей в наем недвижимого имущества, орошением земель, продажей скота и других всевозможных товаров.

Очень интересны имена лиц, с которыми эта фирма вступала в сношения. Среди них встречаются имена вавилонские, персидские, арамейские. Но, чаще всего, это иудейские имена: Шабалта, Хаггай Наддау (Аггей), Ганнани (Анания) и другие типичные имена для иудеев. Среди иудейских имен особый интерес вызывают встречающиеся в огромном количестве имена теофорные, как например: Ахийяма, Иалугану (Ягве с нами), Дадийя (возлюбленный от Бога). Эти имена, несомненно, являются отражением тех новых религиозных настроений, которые породило

именных списков возвратившихся из Вавилона, которые нам приводят книги Ездры и Неемии. Все это говорит о пережитом покаянии и о чувстве подлинного смирения перед Богом, пробудившемся у переселенных в Вавилон иудеев.

Усиление религиозной верности.

В этой связи необходимо отметить, что, за исключением Иез. 20, 30 и сл., писания пророков пленной эпохи не содержат никаких намеков на существование среди пленных уклонения в идолопоклонство. Это показывает, что вавилонские иудеи, в отличие от своих отцов, а также своих братьев, укrywшихся в Египте и может быть даже тех из них, которые остались на родине, поняли, что плен был послан им как наказание за неверность и стали усиленно блюсти чистоту своей веры.

Религиозная верность оказавшихся в Вавилоне иудеев проявилась не только в преодолении соблазна поклонения идолам. Пребывание иудеев на земле чуждей поставило перед ними вопрос о том, как воздавать служение Богу Израилеву вдали от Иерусалима и его храма. Земля чужая считалась нечистой землей (Иез. 11, 13), в которой совершение богослужения было невозможно, Иерусалимский же храм, в котором со дней царя Иосии была строго централизована вся религиозная жизнь ветхозаветного Израиля, был превращен в развалины. Как увидим ниже, иудейские военные наемники, поселенные в Верхнем Египте, на острове Элефантине не постеснялись построить храм на месте своего поселения и приносить в нем своему Богу все жертвы, которые они имели обыкновение Ему приносить, живя на родной земле. Ничего подобного мы не видим у вавилонских иудеев. Об этом свидетельствует отсутствие по их адресу пророческих обличений за создание незаконных мест поклонения, тогда как их отцы непрестанно были бичуемы пророками за этот грех. Как это можно усмотреть из Езд. 8, 17, поселение пленных в Касифье состояло преимущественно из священников. Но даже и так, как это вытекает из отсутствия какого бы то ни было на этот счет намека в Библии, никто не дерзнул построить жертвенник и приносить жертвы. Это все показывает, что религиозная верность, которую показали иудеи в Вавилоне в отношении соблазна отпадения в идолопоклонство или хотя бы в религиозный синкретизм, проявилась также как и верность Закону.

в иудеях их пребывание в Вавилонском плену, и говорят о пережитом ими покаянии и обращении, а также и упование на милость Божию и надежду на скорое помилование.

Но лишенные возможности служить своему Богу, живя на чужой земле, не только предавались тоске по Иерусалиму, которого не могли забыть (Пс. 36, 5 и сл.), но им также дако было найти другие формы благочестия взамен невозможного в их положении жертвенного культа.

Усиление значения некоторых обрядов

Невозможность в плену приносить жертвы имела своим последствием усиление в глазах пленных значения целого ряда традиционных обрядов и обычаев, исполнение которых таким образом приняло характер символического выражения верности Израиля к своему религиозному прошлому и сделалось тем знаком, по которому истинные израильтяне друг друга узнавали.

Сюда входят в первую очередь все те обряды и обычаи, которые, как например, **пасхальная вечеря**, исполнялись по домам. Сюда, затем, входит хранение **субботного покоя**. Соблюдение субботы восходит к очень глубокой древности и первоначальное значение этого обычая чрезвычайно трудно установить. У переселенных же в Вавилон иудеев оно приняло характер своего рода исповедания веры, благодаря которому они могли быть отличаемы от окружающей их чуждой среды. Такое исповедание не требовало никакого культового акта и потому оно могло быть совершаемо в любом месте, где жили иудеи. И потому книга пророка Иезекииля начинает говорить о субботах, как о знамениях завета между Ягве и Его верными: «...И святите субботы мои, чтобы они были знамениями между Мною и вами, чтобы вы знали, что я — Господь (Ягве) Бог ваш» (Иез. 20, 12 и след. ср. 22, 5, гл. 23, 38).

Подобное значение получила в плену, по всей вероятности и практика **обрезания**. Книга Иезекииля о ней ничего не говорит и, потому, возможно, что исполнение этого обряда приняло всю свою важность к концу плена. Практика обрезания была широко распространена в мире, в котором жил Израиль до своего плена. Ее знали народы Сирии, Палестины, также как и Египет. Одни только филистимляне, как «необрезанные» представлялись для Израиля и для других народов, как действительно иноплеменники и чужие. Но в Месопотамии, куда после 587 года попал Израиль, этот обычай был совершенно неизвестен. И потому неудивительно, что и он в этой среде стал для сынов Израилевых знаком завета между Богом и ими (Быт. 17, 11). И хотя мы не имеем об этом никаких подробностей, мы можем считать, что именно в Вавилоне обряд этот, который для выполнения своего не предполагал никакого места культа, получил то свое значение, которое, впоследствии, он имел во всем иудейском мире.

Молитва и чтение священных книг

Отсутствие возможности совершения жертвенного культа могло быть также восполнено усилением молитвы и чтением священной письменности. По всей вероятности, именно в Вавилоне иудеи стали собираться на собрания, на которых возносились общие молитвы, читался Закон, а может быть и пророческие писания. Из этих собраний получило свое начало синагогальное богослужение. Синагоги появились сперва в Вавилоне, отсюда они перешли в Палестину и, впоследствии, распространились по всему иудейскому рассеянию. Именно в Вавилоне иудейская религия становится религией слова, понимаемого и как слова книжного, или же как слова произнесенного или пропетого в молитве.

Это углубление религиозной жизни дало плоды, которые частично проявились в жизни Израиля еще во время плена.

4. Вклад, привнесенный пленом в религию ветхозаветного Израиля

Молитвенное вживание Израиля в Слово Божие привело его к перемене взглядов на свое недавнее прошлое, но также и к дарованию ему свыше новых прозрений в области истин, касающихся самого Бога и Его взаимоотношений с избранным Им народом.

Иной взгляд на национальное прошлое

Пережив покаяние и признав, что посланные им испытания являются свыше наведенным на них наказанием, как за грехи их отцов, так и за их собственные грехи, пленные иудеи пересмотрели в связи этого нового понимания событий и все свое национальное прошлое. Оно предстало перед ними как непрерывный ряд нарушений Синайского Завета. Это новое восприятие прошлого нашло свое выражение у того же Иезекииля в аллегорической речи, с которой он обращается к дочери Иерусалима, «...и взяла ты из одежд своих, и сделала себе разноцветные высоты и блудодействовала на них, как никогда не случится и не будет... и, после всех злодеяний твоих, горе, горе тебе, говорит Господь (Ягве) Бог» (Иез. 16, 16-23). Это же восприятие истории стало основным мотивом в окончательной редакции так называемых исторических книг, особенно книг Судий и III-IV Царств. Как мы уже видели, М. Noth склонен считать, что эти книги были составлены во время плена, но в Палестине. Не отрицая возможности в Палестине в эту эпоху религиозной письменности, мы однако продолжаем придерживаться традиционного мнения, хотя бы потому, что в Вавилоне продолжала звучать пророческая проповедь, тогда как ничего подобного

мы не знаем в этот же период об Иудее. Нам представляется, что подобная переоценка ценностей могла произойти лишь под непосредственным влиянием пророков.

Итак, если в плену Израиль обращается к прошлому, то это для того, чтобы его осудить и поставить себе в качестве идеала эпоху своего призвания. Вот, что о ней говорит тот же пророк Иезекииль, употребляя при этом поэтические образы, заимствованные у пророка Осии: «...и проходил я мимо тебя и увидел тебя, и вот это было время твое, время любви, и простер я воскрилия (риз) моих на тебя и покрыл наготу твою; и поклялся тебе и вступил в союз с тобою, говорит Господь (Ягве) Бог и ты стала моею» (Иез. 16, 8).

Новое религиозное откровение

В отличие от Нового Завета, где все откровение было подано Церкви единым актом в таинстве Сошествия Св. Духа в Пятидесятницу, ветхозаветное откровение подавалось избранному народу многократно и многообразно (Евр. I, 1), возрастая в мере, в соответствии духовному росту Израиля, которого Сам Бог воспитывал через его историю, делая тем самым эту историю священной. Эпохи кризисов в истории Израиля всегда были ознаменованы, как эпохи дарования ему новых откровений. Это же самое надо сказать и об эпохе плена: во время плена израильская религия значительно переросла ту меру откровения, которая была присуща до него.

Прежде всего Израиль действительно понял всю несовместимость с его верой какого бы то ни было синкретизма. Вера в Ягве, как единого Бога всегда была основным догматом религии Израиля. Но прежде мало обращалось внимания на полную невозможность при исповедании этого догмата, поклонения каким бы то ни было другим богам. В плену же была осознана неизбежность радикального отвержения идолопоклонства. Поэтому уже названный выше Второисаия, первый по времени богослов в ветхозаветном Израиле, провозглашает монотеизм не в порядке обличительной проповеди, но утверждает его *ex professo* и приводит доводы от разума против поклонения языческим богам (Ис. 41, 1; 44, 1; 46 и т. д.).

Наряду с осознанием абсолютности их монотеистической веры религиозные вожди Израиля по-новому прочувствовали также трансцендентность, праведность и особенно святость Божию. С одной стороны Иезекииль, описывая будущий храм, тщательно приводит все подробности в его устройстве, имеющие целью огра-

дить неприступность святости Божией (Иез. 40-44). С другой же стороны в святости Божией он видит залог будущего восстановления Израиля. «Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: не для вас Я соделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обеславили у народов, куда пришли. И освящу великое имя Мое, бесславное у народов, среди которых вы обеславили его, и узнают народы, что я — Господь (Ягве), говорит Господь Бог, когда явлю на вас святость Мою перед глазами их. И возьму вас из народов и соберу вас из всех стран и приведу вас в землю вашу» (Иез. 36, 22-24). Таким образом для Иезекииля святость Божия оказывается основным даром, дарованным Богом своему народу.

Кроме того, благодаря пережитому покаянию, вавилонским иудеям еще более стала очевидной истина о том, что религия есть прежде всего дело человеческого сердца. Они на самом опыте убедились, что грех удаляет человека от Бога, а покаяние возвращает их к Нему. И это в свою очередь привело их к окончательному выяснению принципа личной ответственности за грех: то, что Иеремия провозглашал, как некое радостное открытие (Иез. 31, 29-30), для Иезекииля звучит уже как вполне осознанная и твердо установленная религиозная истина: «Зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина? Живу Я, говорит Господь Бог, не будете впредь говорить пословицу эту в Израиле. Ибо вот все души Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои; душа согрешающая — та умрет (Иез. 18, 2-4, ср. 18, 5-20). Благодаря этому религия становится более личной, а обряд начинает восприниматься как внешнее выражение некоей внутренней действительности. Это и позволяет Иезекиилю говорить о будущем восстановлении Израиля и как о ритуальном очищении и как об изменении сердца сынов Израилевых: «И окроплю вас чистою водою (говорит Ягве) и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам: и возьму из плоти вашей сердце каменное и дам вам сердце плотяное... И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом» (Иез. 36, 25-26, 28).

5. Новые религиозные течения и институты

Таковы глубокие религиозные сдвиги, пережитые Израилем за его пребывание в Вавилонском плену. Это обогащение религиозной сокровищницы избранного народа не могло не отозваться в его жизни. Это сказало, главным образом, в новых религиоз-

ных течениях, которые, правда, полностью выявились по окончании плена. Об «анавим», бедных Израиля, духовных наследниках пророка Иеремии, мы уже упомянули в другой связи. Гораздо раньше «анавим» сказало другое течение, вызванное пробудившимися в плену любовью и интересом к отеческому Закону. В плену Израиль покался: он понял, что он был переселен в чужую землю за нарушение заповедей Ягве. И потому он принялся усиленно изучать Закон и ревностно исполнял все его требования. И так как в плену законное богослужение было невозможным, то изучение Торы и наставление в ней стало в Вавилоне главным делом переселенных священников. За последними Тору стали также изучать и толковать образованные миряне. Это законническое движение породило книжничество. Так было положено в Израиле начало влиянию людей книги, учителей, толкователей и переписчиков Торы, которые, начиная с плена предприняли огромный труд собрания и редактирования всех элементов религиозного предания Израиля, идущего от Моисея и от до-пленных пророков. Из-за отсутствия точных данных нам невозможно установить в какой мере эта редакторская и писательская работа была завершена к моменту окончания плена, но несомненно, что именно в Вавилоне, во время плена, израильская религия определила себя как религию **книги**, т. е. как ту религию, от которой новозаветная Церковь приняла как самую идею Священного Писания, так и те книги, которые составляют первую часть ее канона боговдохновенных книг.

Общее заключение об эпохе вавилонского плена

Какова бы ни была численность иудеев, оставленных Навуходоносором в родной земле, сколь бы не пребывал Иерусалим местом, избранным Ягве для обитания Его имени, во время вавилонского владычества центром жизни израильского народа были иудейские поселения на реках вавилонских. Об этом непреложно свидетельствуют все данные, которыми мы располагаем. Именно в Вавилоне подготовлялось то обновление Израиля, которое в разных его аспектах представлено в книге пророка Иезекииля: «из сухих костей в Вавилоне встанет новый народ (Иез. 37, 12 и сл.), воодушевленный новым духом (40, 9), приносящий своему Богу новое сердце (6, 9; 11, 19; 36). Плен таким образом действительно оказался для Израиля временем заключения с Богом нового, (Иерем. 31, 31 и сл.), то-есть, обновленного Завета (Иез. 11, 20; 24, 11; 16, 60-62), ведущего к новому разделу обетованной земли, к воссозданию храма, к обновлению священства (Иез. 40-44)

и к наречению обновленному городу нового имени: «Ягве там» (Иез. 48, 35).

Удивительно то, что это перерождение произошло без всякого внешнего воздействия или заимствования извне, ибо до сих пор не удалось установить никакого влияния на иудеев со стороны окружающей религиозной среды. Напротив, именно с эпохи плена намечается полное отделение Израиля от других народов, от так называемых «гоим» и враждебное отталкивание от всего языческого.

После 587-го года Израиль разделил судьбу всех народов, населявших Сирию и Палестину, то-есть утрату политической независимости, разорение территории, переселение в чужую землю. Но поскольку это нам известно, ни один из этих народов не смог сохранить своей самобытности в такой степени, в какой сохранил ее Израиль. Это — своего рода единственный случай во всей истории и притом поддающийся научному обследованию. Он объясняется только вхождением Бога в историю Израиля и во время плена и до него. Когда израильская государственность приближалась к своему концу, пророки VIII-го и VII-го столетий не только изрекали угрозы и возвещали неминуемость Божьего суда, но также говорили о планах Божиих относительно уготованного будущего. Эти радостные пророчества были подтверждены и дополнены пророками плена.

Возможно, что под влиянием катастрофы 587-го года у многих погибли все надежды на возможность какого бы то ни было восстановления самостоятельности. Но тем не менее, мы видим, что чаяния исполнения обещаний Божиих относительно светлого будущего не погибли во время плена, но, напротив, усилились в Израиле среди пережитых им испытаний. И конечно, вера в эти обещания значительно способствовала сохранению Израилем сознания особенности своего призвания и своего коренного отличия от прочих народов вавилонской империи. Достаточно было появления новых данных в международном положении для того, чтобы эти чаяния разгорелись новым, сильным огнем. Это и произошло, когда в начале второй половины VI-го столетия заблестела на политическом горизонте Древнего Востока звезда царя Аншанского и персидского Кира.

Прот. Алексей Князев

СЛОВО О ХУЛЕ НА СВЯТОГО ДУХА

Господь однажды сказал: «Поистине говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили, но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощено во век, но подлежит он вечному осуждению (Мр. III, 28-29).

Передавая нам эти слова, евангелист Марк добавляет: «сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый Дух» (Мр. III, 30). А говорили это фарисеи и книжники после того, как были очевидцами несомненно святого дела, совершенного Господом, а именно изгнания нечистого духа.

Вместо того, чтобы в простоте сердца заключить, что благое дело может совершиться только благой силой, подобно тому, как доброе дерево приносит добрый плод, а худое — худой, или как из доброго сокровища (сердца) выносят доброе, как из злого — злое (Матф. XII, 33-35), противники Христа силились объяснить светлое чудо, Им совершенное, действием духа тьмы.

В ответ на эти именно утверждения Господь и произнес свои слова о вечном осуждении хулителей Святого Духа. Повествуя об этой же беседе Господа с Его недругами, евангелист Матфей приводит еще следующие Его слова: «Если же я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царство Божие» (Матф. XII, 28). Все, о чем свидетельствуют в указанных главах оба евангелиста, понуждает думать, что страшный грех хулы на Святого Духа есть ничто иное, как предельное духовное ослепление, полная невозможность видеть свет, неразличение света от тьмы, добра от зла, святого от нечистого. Может быть прощена даже хула на Сына Человеческого (Матф. XII, 32), например: непризнание Господа Иисуса за Мессию и за Сына Божия, как это было у ап. Павла до его обращения, но не хула на Святого Духа.

Павел-Савл был помилован потому, что нечто святое, некая святость сами по себе для него существовали, хотя бы все еще как только ветхозаветное откровение, но книжники и фарисеи, объявившие исцеление бесноватого действием веельзевула, тем самым показали, что для них нет ничего святого. Они отказывались видеть добро в самом добре, отрицали в нем действующую силу, что и есть хула на Святого Духа. Если, как они то утверждали, зло может быть прямым источником добра, то, очевидно, что можно обходиться без добра. Это также означает, что нет никакой грани между тем, что свято и что нечисто, а это и есть отрицание поистине святого, так как святое есть именно то благое и совершенное, что ни с чем низшим смешиваться не может.

На современном языке такое смешение понятий о добре и зле, о святом и нечистом именуется цинизмом.

Потому-то в наше время и надлежит особенно внимательно вдуматься в слова Господа о хуле на Духа Святого, так как теперь отовсюду цинизм покушается овладеть человеческим сознанием. Как на первый пример такого покушения можно указать на экономический материализм, который не только проповедуется, но насильно внедряется коммунистами в сознание миллионов людей. Согласно этой теории основным мотивом всякого человеческого поведения и всех, даже самых высших человеческих интересов, является жажда наживы, и, в конце концов, наполнения своего чрева. Другая современная теория (Фрейда) пытается объяснить все поведение человека в его целом половым влечением. Существуют также теории, согласно которым все, что ни делает человек сводится к жажде власти и господства. Все это и есть цинизм, нежелание признать реальности всего высшего, возвышенного и попытка все высокое свести к низшему. Во всем этом нельзя не усмотреть не только духовную слепоту, но духовное самоослепление. Все это граничит с прямой хулой на Святого Духа.

Несмотря на крайнюю извращенность таких теорий, доля правды есть и в них. Многие из подмеченного в них верно, но только относительно греховного, падшего человека. В человеке одержимом грехом или духом зла несомненно особую силу имеют и алчность, и похотливость, и властолюбие, но тем более человек верит в природность и неискоренимость этих страстей, тем более он становится их рабом. В этом яд этих теорий; они укрепляют темную веру в темную силу. Святые люди более чем кто-либо признавали реальность этих темных или низших начал, но они знали всем существом своим и о существовании высших и светлых сил, Источник которых есть Святой Дух. В силу Святого Духа они не только верили, но по милости Божией, ею пользовались и творили великие дела. Силою Святого Духа они не только изгоняли из своего сердца всякую тьму и ставили на должное место естественные потребности, но восходили к Богу, который, по слову ап. Иоанна, есть Свет и в котором нет никакой тьмы (I Ио. I, 5).

Все же в современном человечестве самое страшное, быть может, не эти притязания на научность теории, а мелкий, иногда даже едва сознающий себя цинизм. Да, особенно страшны эти иногда почти добродушные усмешки, улыбочки на все святое и высокое, пожимание плечами, разведение рук. Страшен этот отказ от всякой духовности, от всякой решительной оценки, это

безразличие к настоящим ценностям. Нестерпимо это стремление все поставить на один очень низкий уровень, сделать все мелким, повседневным, не требующем ни жертвы, ни ответственности. Иными словами, особенно страшна пошлость, о которой недавно, в изданном только посмертно своем труде, проникновенно писал русский мыслитель И. А. Ильин, являющийся в этом отношении наследником Гоголя и Достоевского.

Духовно зрячий человек, водимый Св. Духом, видит во всем, даже в обыденном, долю ценного, прекрасного и чудесного, а пошляк, наоборот, не способен ничему удивиться, ничем восхищаться и готов опорочивать все, что предлежит его духовно незрячему оку. Такими были книжники и фарисеи, не усмотревшие даже в явном чуде ничего чудесного и тем самым охулившие Св. Духа. Хулящие Жизнеподателя, Духа Истины, убивают и в себе самих и вокруг себя истину и жизнь, или, что то же, истинную жизнь. В своей хуле они становятся подлинно детьми того, про кого Спаситель сказал, что он отец лжи и человекоубийца от начала (Ио. VIII, 44).

Горько бывает узнавать, если кто низко падает и еще горше, если кто совершает преступление, но если при этом в грешнике не умерла святая вера и вера в святость, возможно еще и покаяние, и спасение. Те из пастырей Церкви, которым доводилось посещать тюрьмы и места каторжных работ, почти всегда свидетельствуют, что именно там они иногда находили, как некий драгоценный жемчуг, такие слезы раскаяния или духовной благодарности, которых трудно встретить в других местах земли. Но, поистине, не только горько, но и страшно бывает, если перед духовным взором христианина вдруг обнажится, как нечто уже завершившееся, пошлость человека, цинизм какого-либо человека.

К счастью среди русского юношества и русской молодежи, здесь, в эмиграции, признаки этой смертельной болезни встречаются чаще всего лишь как временный и как внешний налет, но опасность и для них очень велика, т. к. опустошенных и мертвых душ вокруг нас на Западе сколько угодно и притом прикрытых внешней привлекательностью, а нередко и красотой. Соприкосновение с ними заразительно. Будем же следить прежде всего каждый за самим собой: нет ли у нас признаков этой смертельной болезни? Но будем наблюдать и за ближними, особенно молодыми, например: улыбка ли украшает их лик, или уже начинается та, сперва почти робкая, усмешка, которая уже есть начало заболевания. Тогда надо прибегать к Единому Врачу нашему, ко Христу, и к единому лекарству, которое Он нам дает

— к Силе Духа Святого, которая есть Самое божественная Любовь. Она исцеляет все, даже если изливается в суровых, страшных словах, как те, что Господь сказал о хуле на Святого Духа.

Прот. А. Семенов Тянь Шанский

БРАТСТВО ЗОИ В ГРЕЦИИ*)

Пятьдесят лет тому назад группа молодых греческих богословов основало братство ЗОИ, из которого выросло одно из самых значительных христианских движений в православных странах и которое охватывает самые широкие круги общества. ЗОИ — значит «жизнь», и действительно, оно оживило деятельность Православной Церкви в Греции и внесло в него живую струю. Будучи строго православным и действуя в теснейшей связи с Греческой Православной Церковью, оно однако терпимо и с любовью относится и к другим христианским вероисповеданиям.

Движение это материально совершенно независимо и живет исключительно на свои собственные средства. Несмотря на многочисленность его состава ЗОИ очень требовательно к своим членам и желающий вступить в него должен не только открыто исповедовать свою веру во Христа Спасителя, но и доказать своим личным поведением свою преданность христианской православной Церкви. Члены его усердно занимаются чтением и изучением Священного Писания и стараются проводить в жизнь свои христианские верования.

Братство

Основатели ЗОИ образуют братство и ведут монашеский образ жизни, однако отдельным членам ЗОИ не возбраняется выходить из братства и жить семейной жизнью. Члены Братства, принимающие священство, отказываются занимать высокие церковные должности. Главной задачей его является распространение Слова Божия во всех слоях греческого народа путем устной проповеди и печати. Оно также готовит сотрудников, способных создать живое христианское движение по всей Греции.

*) Перевод настоящей статьи сделан, с некоторыми сокращениями, с английского текста, появившегося в журнале *St. Vladimir's Seminary Quarterly*, spring 1959.

Издательская деятельность.

Скромный еженедельный журнал, основанный Братством 50 лет тому назад, сейчас сделался одним из самых распространенных изданий в стране и имеет 170.000 подписчиков, благодаря его интересному содержанию и дешевой цене. ЗОИ также издает книги и брошюры с миссионерской целью. Наряду с изданием Священного Писания издаются богословские труды, книги религиозные, педагогические, научные, детские. Какой бы темы они ни касались, все они христоцентричны.

Распространение Священного Писания в дешевом издании восполнило большой пробел и имело громадное значение для религиозного воспитания народа. Новый Завет выдержал 32 издания с общим количеством 650.000 экз. Выпускаются также многочисленные комментарии Нового Завета. Многие издания ЗОИ переведены на языки других православных стран, а также на английский и французский языки. Следует отметить особый успех книг для детей, выпущенных в количестве одного миллиона экз. Брошюры «Религия и Жизнь», излагающие в общедоступной форме основные православные догматы и христианскую этику, разошлись в количестве 1.300.000 экз. Несколько изданий посвящено церковной музыке.

Миссионерские усилия ЗОИ направлены также на молодежь путем основания катехизических курсов и Воскресных Школ по всей Греции. Из учеников этих школ вербуются руководители христианского движения. В разных местах Греции устраиваются также летние лагеря для молодежи и детей.

Для подготовки опытных учителей и руководителей Воскресных Школ и катехизических курсов ЗОИ основало 8 специальных школ-общежитий для молодых людей и девушек, где 800 студентов готовятся к ответственной миссионерской деятельности.

Христианский Союз Научных и Профессиональных Деятелей основан ЗОИ с целью привлечения к Церкви греческой интеллигенции. Он в настоящее время насчитывает 1.450 членов, из которых многие являются видными представителями науки, экономики, педагогики и др. общественной деятельности. Этот Союз издает периодический журнал «Актинес» (Лучи Света), сделавшийся одним из руководящих органов в области искусства и литературы с тиражом в 15.000 экз. Направление этого журнала основано на христианском мировоззрении и исповедует веру в то, что перестроить личную и национальную жизнь возможно лишь на основах учения Христа. Рост и влияние этого христианского движения среди греческой интеллигенции выразилось в «Деклара-

ции», подписанной в 1946 г. 220 представителями греческой интеллигенции, изданной в 100.000 экз. и разошедшейся в течение месяца. Манифест этот произвел громадное впечатление в Греции, включая и коммунистические круги.

Члены Движения ведут широкую пропаганду христианского мировоззрения среди рабочих, служащих, студентов, солдат путем лекций и собраний, а также среди крестьян в деревнях. Издается также специальный журнал для женщин с тиражем в 6.500 экз.

Все эти формы деятельности, изучение Священного Писания и религиозной литературы готовят руководителей, имеющих большое духовное влияние в профессиональной и общественной жизни, старающихся построить национальную жизнь Греции на основах христианской культуры.

Общество «Дамаск», основанное Христианским Союзом Научных и Профессиональных Деятелей, занимается главным образом изданием книг по вопросам христианской социологии, философии, художественной литературы и всем вопросам относящимся к христианской культуре. Его издания обращены специально к университетской молодежи и культурным слоям общества.

ЗОИ основало также Христианский Студенческий Союз, насчитывающий 2400 членов. Путем лекций, курсов, кружков по изучению Свящ. Писания, лагерей и т. п., оно старается оказать духовное влияние на греческую учащуюся молодежь и среди нее вербуются руководители Воскресных Школ.

Во время войны Христ. Студенческий Союз морально поддерживал армию посылками литературы и личной переписки. Члены его работают также среди больных в госпиталях, в лагерях для беженцев, а также по деревням, посвящая для этого время летних каникул.

Так с Божьей помощью на сцену греческой истории вступают молодые люди и девушки, ставящие своей задачей перестройку материальной и духовной жизни своей родины на христианских основах.

Основанное ЗОИ сестричество Эвзебия ставит своей задачей миссионерскую работу среди девочек и студенток и воспитание христианских матерей. Они участвуют в руководстве Воскресными Школами, в Христианском Студенческом Союзе, издают женский журнал (175.000 экз.), работают среди сестер милосердия, работниц, устраивают студенческие хоры и организуют кружки по изучению Священного Писания. Вся работа ведется ими добровольно. Детским журналом пользуются также преподаватели в качестве хрестоматии.

Педагоги объединены ЗОИ в Союз Христианских Педагогов,

насчитывающий более 500 человек — учителей, профессоров и воспитателей. Он стремится поднять уровень школьных учебников, расширить сеть Воскресных Школ, создать показательные христианские профессиональные школы и находится в близком сотрудничестве с родителями, чтобы поднять моральный уровень молодежи. Издаваемый этим Союзом еженеделный журнал «Греческая Христианская Педагогика» имеет тираж в 9.500 экз. В сотрудничестве с Христианским Союзом Профессиональных Деятелей им основана в Пирее высшая техническая школа имени ап. Павла с 800 студентами. В школе этой, наряду с учебными занятиями членами Союза ведется христианская педагогическая работа со студентами.

С целью пропагандировать среди родителей сознание важности значения Воскресных Школ в деле христианизации семьи, ЗОИ основало Родительский Союз. Этот Союз дает родителям возможность упражняться в общественной работе и близко узнавать друг друга и обсуждать насущные воспитательные проблемы. После войны деятельность Родительского Союза настолько разрослась, что он сейчас имеет 60 ячеек по всей Греции. Главная задача его состоит в следующем: заботиться о применении принципов православного воспитания в семье, пропагандировать греческие национальные идеалы и христианское учение в свете православной веры. Союз насчитывает 9.000 членов, представляющих все классы общества: профессора университета, богатые коммерсанты, чиновники, простые рабочие, и является подлинной христианской общиной. В 1953 г. был созван I-ый Всегреческий Конгресс Союза, на котором были представители 26 городов. Было высказано пожелание обратить особое внимание на развитие общественного сознания и внутренней культуры, чтобы поднять моральный уровень общества.

ЗОИ проникло также в рабочие круги Греции через создание Христианского Союза Рабочей Молодежи, имеющий 70 отделений в Греции в главных ее городах. Он издает свой журнал в 6.000 экземплярах и его деятельность имеет большое моральное влияние на рабочую молодежь.

Молодые женщины объединились в особый Союз Св. Евники, посвятив себя служению больным. Их 500 человек и они основали свое общежитие в окрестностях Афин, где эти сестры милосердия проводят свои свободные дни и организуют собрания и кружки на духовные темы. Красный Крест очень ценит сестер Общины и поручает им руководить группами сестер в провинции.

Существует еще другое женское объединение профессио-

нальных деятельниц, учительниц, воспитательниц, медичек, носящий название «Христианский Союз Надежды».

Руководители и кадры движения ЗОИ объединены в особые небольшие группы в 10-30 человек, собирающиеся еженедельно для изучения Свящ. Писания, обсуждения статей, напечатанных в религиозных журналах, и проблем духовной жизни. Каждое собрание посвящено определенной теме и члены рассматривают их в свете личного духовного опыта. Эти 300 групп являются духовным ядром ЗОИ.

Для подготовки кадров ЗОИ основано специальную школу. Она открыта для лиц с университетским образованием и имеет целью дать студентам возможность изучать научные проблемы в свете христианского учения и переоценивать полученные ими знания с точки зрения христианской культуры. Одним из отделений этой школы является Институт Умственной Гигиены и Медицинской Психологии. Он уже издал 35 работ, посвященных этим вопросам.

Изложенное дает представление о миссионерской деятельности движения ЗОИ в Греции. Оно проникло во все круги Греции и оказывает глубокое влияние на народ. Оно основано мирянами с одобрения и при поддержке православной церкви и одухотворено Духом Святым. Оно занимает особое место в христианском мире и работает во славу Божию и на спасение людей через Христа Спасителя.

Свящ. Д. Константелос

О НОВОМ СТИЛЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Свои соображения о старом и новом стиле я изложу в связи с вопросом о праздновании Рождества Христова. Мы не знаем, в каком месяце и какого числа родился Иисус Христос. В четвертом веке Церковь постановила праздновать Рождество Христово 25 декабря, приблизительно во время зимнего солнцестояния, когда «солнце поворачивается на лето» и, следовательно, обещает нам, что со временем совершится победа жизни над смертью. Высокое символическое значение этой даты празднования Рождества Христова есть одно из свидетельств мудрости Церкви.

Установлена была эта дата в то время, когда культурный мир пользовался Юлианским календарем. Этот календарь настолько неточен, что каждое столетие 25 декабря отодвигается от зимнего солнцестояния на один день, и потому дата 25 декабря все более утрачивает свое ценное символическое значение. В шестнадцатом

веке она удалась на десять дней от того отношения Земли к Солнцу, какое было в четвертом веке. Поэтому папа Григорий XIII произвел реформу календаря и повелел 5-го октября 1582 года пропустить десять дней, именно считать пятое октября пятнадцатым октября. Таким образом в Григорианском календаре восстановлено символическое значение даты празднования Рождества Христова.

Православная Церковь продолжает пользоваться Юлианским календарем, и в наше время дата 25 декабря отстает уже на 13 дней от того отношения Земли к Солнцу, какое было в четвертом веке. Через несколько тысячелетий праздновать Рождество Христово приходилось бы летом. Некоторые поместные Православные Церкви, напр., Греческая, Румынская, поняли нелепость этого положения и приняли Григорианский календарь, но Русская Православная Церковь упорно продолжает пользоваться Юлианским календарем. Приверженность Русской Церкви к старому Юлианскому календарю объясняется, преимущественно, ее крайним консерватизмом. Но как это ни странно, желание некоторых русских добиться в Церковной жизни перехода к новому стилю тоже может быть проявлением консерватизма. Противоречия в этом моем утверждении нет. Речь идет здесь о двух видах консерватизма. В тех случаях, когда сторонники старого стиля хотят сохранить его только из боязни новшества, из любви к старому лишь потому, что оно старое, несмотря на то, что это старое — Юлианский календарь — с течением времени становится все более нелепым, проявляют консерватизм в его отрицательной форме. Наоборот, сторонники нового стиля, желающие, как и папа Григорий XIII, вернуться к тому ценному символическому значению даты праздника Рождества Христова, которое побудило Церковь в IV веке приурочить ее приблизительно ко времени зимнего солнцестояния, проявляют консерватизм в его положительной форме, именно тот консерватизм, который хочет сохранить старое не потому, что оно старое, а потому, что оно имеет высокую ценность.

К сожалению, даже и после принятия нового стиля, Пасху, а зависящие от ее даты, Вознесение и Троицу придется праздновать большею частью не вместе с другими христианскими вероисповеданиями, потому что Православная и Католическая Церковь устанавливают день Пасхи, пользуясь различными принципами. Надо надеяться, что будет время, когда Католики, Протестанты и Православные организуют Комитет своих делегатов, который выработает способ установления дня Пасхи, общий для всех христианских вероисповеданий.

Н. Лосский

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ НА АЛЯСКЕ

Обычно, говоря о священнике, мы представляем себе человека, работающего для церкви в определенном приходе. Но бывают случаи, когда священник отдает себя иному роду деятельности: преподает в семинарии, уходит в монастырь, исполняет обязанности военного священника в армии или же работает в качестве миссионера в отдаленных друг от друга и разбросанных приходах.

О. Карл Гест именно и является таким миссионером. Жизнь его совершенно непохожа на то, как живут обычные приходские священники. Он обслуживает десятки приходов в Аляске. Любопытно, что он первый эскимос, рукоположенный русской православной церковью. С малых лет зародился в нем интерес к православию и он захотел отдать свою жизнь церкви, но только в 1952 году, уже 38 лет отроду, ему с женой и детьми удалось перебраться из Касиглюка в Ситку, где он и начал изучать богословие. Учась, он должен был содержать себя и семью. Он занимался для этого охотой и пушным промыслом. Через несколько лет, закончив образование, он принял священный сан и был назначен на приход в свое родное село Касиглюк. Но в то же время его попечению были поручены десятки селений вдоль рек Кускоквим и Юкон, а также и по побережью Берингова моря. Объезжает он свои приходы летом в кожаной лодке, зимой на саних, запряженных собаками. Иногда, когда предоставляется возможность, он совершает свои путешествия на почтовом авионе. О. Гест полон энергии и самоотверженности. В 1956 году в двух деревнях надо было построить церкви. Это было нелегко, не было ни денег, ни строительных материалов, которые в Аляске достаются с трудом. О. Гест разрешил задачу просто: вместе со своими прихожанами он пошел на пушной промысел. Они собрали норкового меха почти на 5.000 долларов и на вырученные деньги купили дерево на постройку. Работали всей деревней (30 семейств) в течение двух лет и воздвигли церковь в русском православном стиле. В настоящее время они приступают к сбору средств на вторую церковь в селении Ийк. О. Гест говорит: «Рыболовством и охотой мы заработаем деньги и тогда сами же займемся и постройкой». Он прибавляет: «Главное, что нам нужно — это побольше Господних воинов на местах». — «Каждая деревня зовет меня к себе на все большие праздники, особенно на Рождество и Пасху, но я не в силах быть одновременно повсюду; даже теперь я провожу в объездах целые месяцы, не видя своей семьи, и все равно не могу посетить всех приходов».

Трудна жизнь о. Геста — он и миссионер, и охотник, и рыбак и плотник. Служит он на разных языках, доступных его прихожанам: на английском, на русском и на эскимосском. В Аляске очень большое православное население. Самые ранние миссионеры появились там в 18 и 19 столетиях, когда Аляска еще принадлежала России — это были Валлаамские иноки — Герман и другие. И теперь мы, православные, должны со своей стороны как-нибудь помочь о. Гесту в его задаче окормления приходов в промежутках между его посещениями. С этой целью создан специальный «Фонд Аляски», снабжающий население духовной литературой. Помогите своими пожертвованиями этому важному делу, вспоминая слова ап. Павла к Галатам: 6, 9: «Делая добро, да не унываем: ибо в свое время пожнем, если не ослабеем». Пожертвования ваши в «Фонд Аляски» дадут возможность современным миссионерам духовно

питать свою паству, и Штат Аляска сохранится так, как он есть — православным в основной массе своего населения.

Пожертвования просят направлять по адресу: «The Orthodox Herald». Box 21, Rantoul, Illinois, U.S.A.

БИБЛИОГРАФИЯ

Fedor STEPUN. *Der Bolschevismus und die christliche Existenz*. München, 1959.

Ф. А. Степун выпустил новую книгу (на немецком языке), посвященную актуальным темам современности, в частности вопросу о возможности идейного и духовного преодоления большевизма. Принципиальная позиция Ф. А. Степуна определяется четким и продуманным пониманием духовной сущности современного мирового кризиса, а твердое исповедание принципов христианства дает в его руки тот единственный материал, в котором есть основа для преодоления большевизма. Книга Ф. А. Степуна очень богата содержанием; в ней девять глав, одна другой интереснее. Хотя я не могу во всем присоединиться к отдельным высказываниям Ф. А. Степуна (особенно в его суждении о Леонтьеве), но в целом я безоговорочно примыкаю к основным положениям Ф. А. Степуна. Особенно ценна и значительна последняя глава, где мы находим целый ряд удачнейших замечаний и характеристик. В большевизме, по мысли Ф. А., встретилось русское средневековье, отбросившее начала христианства, с западно-европейским социализмом в его вырождении и искажении. С этим связана у Ф. А. острая критика западной культуры. Приведу цитату, очень характерную для всего построения, выраженного в книге: «Может ли Запад, спрашивает Ф. А., у которого все больше ослабевает чувство ценности личности в государственной, социальной и хозяйственной жизни, который не пошел дальше индивидуализма как в смысле эгоцентрически-замкнутой в себе личности, так и в форме коллективистического типа жизни, — может ли Запад иметь надежду на то, что в борьбе за личность он действительно одолеет современный Восток?». «Свобода в западно-европейской демократии, пишет тут же Ф. А., в сущности гораздо ближе к большевизму, чем к христианской свободе». «Вся слабость Запада, пишет в другом месте Ф. А., в том и состоит, что свобода мысли в современной демократии сводится к свободе в защите интересов» (я всюду даю вольный перевод высказываний Ф. А., они трудно поддаются точному переводу). Но, спрашивает Ф. А., «как это возможно, что Запад пришел к системе секуляризма, т. е. к полному отпадению западно-европейской цивилизации от христианской плеромы?» Господство секуляризма на Западе, по Ф. А. Степуну, есть ключ к пониманию бессилия и трагедии Запада. Сам Ф. А. защищает общность народов, их действительное братство — «не интернационализм, а транснационализм».

Все это выражено в книге Ф. А. Степуна очень ярко и сильно, и читатель, которого волнуют проблемы современности, не может пройти мимо книги Ф. А. Степуна.

Прот. В. Зеньковский

Новый перевод 4-х Евангелий на русский язык.

Сто лет тому назад, 20-го марта 1858 года, Святейший Синод, по почину митрополита Филарета, выносит постановление о переводе Священ-

ного Писания на русский общедоступный язык. В шестидесятых годах выходит в свет Новый Завет, а в семидесятых — вся Библия, переведенная трудами четырех Духовных Академий. Этот так называемый синодальный перевод неоднократно переиздавался до 1917 года. Он же перепечатывался в многочисленных изданиях за границей по старой, а потом и по новой орфографии. Недавно в России синодальный перевод переиздан уже по новой орфографии и с очень незначительными грамматическими обновлениями языка.

Кроме синодального перевода по-русски вышли, во-первых, перевод Библейского Общества в царствование Александра I, теперь уже библиографическая редкость, а также другая библиографическая редкость — перевод Победоносцева.

Ныне, за границей, Британское Библейское Общество поручило епископу Кассиану, ректору Православного Богословского Института в Париже и профессору Священного Писания Нового Завета, пересмотреть уже устаревший синодальный перевод и предложить к печати новый. Епископ Кассиан провел работу в сотрудничестве с Комиссией.

Очень быстро оказалось ясным, что новый труд не есть пересмотр старого перевода, а самостоятельный новый перевод. Старый перевод остается в продаже и в московском новом издании, и в многочисленных изданиях за границей.

Во всех странах Запада, богатых учеными специалистами Библии, существует большое количество переводов на французский, английский, немецкий и другие языки. С выходом в свет перевода епископа Кассиана (пока только вышли 4 Евангелия) мы входим в новую эру сосуществования нескольких переводов на русский язык.

I.

Со времени появления синодального перевода, за сто лет, наука сумела ближе подойти к апостольскому подлиннику. Критические издания Нового Завета на греческом языке обогатились новыми открытиями более древних списков. В ряде мест новый перевод дает преимущество более старым рукописям. Так например:

1) В тексте Мф. 6. 1:
Старый перевод гласит: Смотрите не творите милостыни вашей пред людьми.
Новый перевод: Наблюдайте за тем, чтобы праведность вашу не выставлять перед людьми.

Замена слова «милостыни» словом «праведность» основана на древних греческих рукописях. Современные переводы: «Gardez-vous de pratiquer votre justice» (Osty) 1), — «Gardez-vous d'afficher votre justice» (B. de Jér.) 2), или Beware of practicing your piety before men, R. S. V. 3) подтверждают новый русский перевод.

В тексте Мк. 6. 20:
Старый перевод: Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что

1) Osty: известный французский перевод.

2) B. de Jér.: Bible de Jérusalem — один из самых последних переводов.

3) R. S. V.: английский Revised Standard Version 1946.

он муж праведный и святой; и он муж праведный и святой. и берег его, много делал, слушаясь берег его; и выслушав его, смущался сильно, и охотно слушал его, и с удовольствием слушал его.

В этом случае замена слова «делал» словом «смущался» основана на более древних греческих рукописях.

Современные переводы: «Quand il l'avait entendu, il était tout perplexé, et cependant il l'écoutait avec plaisir» (Osty)..., «il était fort perplexé et c'était avec plaisir qu'il l'écoutait». (B. de Jér.). When he heard him, he was much perplexed; and yet he heard him gladly. (R. S. V.).

3) В тексте Ин. 6. 69:

И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живого. Ты — Христос, Святой Божий. Поздняя форма текста есть ассимиляция Ин. 6. 69 с формой исповедания Петра у Мф. 16. 16.

4) В тексте Ин. 9. 35:

Ты веруешь ли в Сына Божия? веруешь ты в Сына Человеческого?

5) В тексте Мк. 9. 23:

22. Но, если что можешь, скажись над нами и помоги нам. 22. Но, если что можешь, помоги нам, скажись над нами.

23. Иисус сказал ему: если сколько ни будь можешь веровать, все возможно верующему. 23. Иисус же сказал ему: ты сказал — «если что можешь...» Все возможно верующему.

B. de Jér.: «Si tu peux, reprend Jésus, tout est possible à celui qui croit.

Osty: idem.

R. S. V.: And Jesus said to him: «If you can! All things are possible to him, who believes».

Новый перевод, основываясь также на древних рукописях, придает тексту стиха 23-го совсем новый оттенок. В своем ответе, Христос повторяет слова вопрошающих: «ты сказал: если что можешь» и от себя дополняет категорическим: «все возможно верующему».

Старый русский перевод освещал текст по иному.

6) Текст Лк. 6. 20:

Блаженны нищие духом, ибо... Блаженны нищие, ибо... Лука приводит более короткую версию заповедей блаженства, чем Мф. 5. 3, где остается «блаженны нищие духом».

Osty: Heureux, vous qui êtes pauvres!...

B. de Jér.: Heureux, vous les pauvres..

R. S. V.: Blessed are you poor, for..

7) Ин. 1. 18:

Единородный Сын, сущий в недре Единородный Бог, сущий в лоне Отца, Он явил. Отец, Он открыл.

Как бы это ни казалось нам удивительным, текст нового перевода основан на совокупности свидетельств всех древних рукописей и цитат из отцов.

Osty: Un Dieu, fils unique qui est dans le sein du Père, c'est lui qui l'a révélé.

B. de Jér. предпочитает форму поздних текстов: «Le Fils unique, qui est dans le sein du Père, lui, l'a fait connaître», впрочем с примечанием разночтения: «Un Dieu, Fils unique».

R. S. V.: «The only Son, who is in the...».

8) В тексте Мк. 1. 2:

Как написано у пророков: Как написано у Исаии пророка:

Текст подтверждается совокупностью всех древних свидетельств. Изменение в более поздних текстах объясняется тем, что, на деле, следующая в тексте Евангелия цитата из Исаии начинается словами из Малахии.

Osty: «Selon qu'il est écrit dans le prophète.» с примечанием: La citation se compose en réalité de deux textes, l'un (verset 2) emprunté à Malachie 3. 1, l'autre (verset 3) emprunté à Isaïe 15. 3.

B. de Jér.: «le prophète».

R. S. V.: «In the Isaiah the prophet», с примечанием.

9) В тексте Мф. 6. 12:

И прости нам долги наши, как и И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. мы простили должникам нашим.

В более древних греческих текстах глагол «прощать» стоит в совершенной форме. Повидимому, прощение, оказанное нами должникам нашим, есть условие нашего обращения в молитве к Богу, Отцу.

Osty: «Pardonne-nous nos offenses, comme nous-mêmes avons pardonné à ceux qui nous ont offensés».

B. de Jér.: «Remets-nous nos dettes, comme nous-mêmes avons remis à nos débiteurs».

Заметим также, что у Луки текст молитвы Господней в более старых рукописях отличается от текста приведенного Мф., в частности большей краткостью. В параллельном стихе Лк. 11. 4 мы читаем:

И прости нам грехи наши, ибо и И прости нам грехи наши. ибо и мы простили всякому должнику мы сами прощаем всякому, кто должен нам.

Приведенные нами примеры показывают первый принцип нового перевода — верность более старым формам текста.

II.

На целом ряде примеров видно, что современная наука достигла лучшего понимания греческого подлинника.

1) В тексте Мф. 11. 5, как и в тексте Лк. 7. 22:

Старый перевод:	Новый перевод:
Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют.	Слепые прозревают, и хромы ходят, прокаженные очищаются, и глухие слышат, мертвые воскресают, и нищим благовествуется.

Глагол в греческом тексте понимается в страдательном, а не среднем залоге; текст становится понятнее в контексте евангельской истории (сравни Лк. 4. 18).

Osty: «La Bonne Nouvelle est annoncée aux pauvres».

B. de Jér.: id.

R. S. V.: «And the poor have good news preached to them».

2) Ин. 12. 6:

Говорится об Иуде:

Сказал же он это не потому, что-бы заботился о нищих, но потому что был вор (он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали). Сказал же он это не потому, что-бы заботился о нищих, но потому, что был вор, и, имея денежный ящик, брал то, что туда опускали.

Вторая часть стиха становится объяснением первой, уточняя воровство Иуды, и уже не нуждается в скобках, как некое дополнение.

3) Ин. 5. 39:

Исследуйте Писания: ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Вы исследуете Писания, потому что думаете в них иметь жизнь вечную. А они свидетельствуют о Мне.

Тут, в контексте целой обличительной речи, обращенной к Иудеям, Христос обвиняет их в том, что, читая Писания, которые свидетельствуют о Нем, они их не понимают.

Osty: «Vous scrutez les Ecritures, parce que vous pensez y trouver la vie éternelle; et ce sont elles qui me rendent témoignage».

B. de Jér.: id.

R. S. V.: «You search the Scriptures, because you think that in them...».

По-гречески повелительное и изъявительное наклонение во втором лице множественного числа выражается той-же глагольной формой.

4) Лк. 4. 18:

Дух Господень на Мне: ибо Он Дух Господа на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение... возвестить пленным... помазал Меня. послал Меня благовествовать нищим, возвестить пленным...

Надо заметить, что в Библии знаки препинания расставлены поздно. Новая пунктуация возвращает нас к стихотворной форме пророчества Исаии и выделяет с особой силой слова «помазал Меня». Слово Христос, по-еврейски Мессия, значит помазанник.

Необходимо заметить, что новый перевод возвращается к стихотворной форме подлинника в целом ряде примеров: Мф. 2. 6, 2. 18, 3. 3, 4. 6, 4. 15-16, 5. 3-10..

5) Лк. 13. 32:

Пойдите скажите этой лисице: се изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу. сегодня и завтра и в третий день — свершение Мое.

Соответственное греческое слово в действительности трудно поддается переводу. Старый перевод непонятен.

Osty (перевод еще неудовлетворительный): «Le troisième jour c'en est fait de moi».

B. de Jér. (лучше): «et le troisième jour, je suis consommé», с примечанием: Mot riche de sens, qui inclut tout ensemble la fin et l'achèvement de Jésus, rendu «parfait» par ses souffrances et sa mort.

Следующий стих Лк. 13. 33 подтверждает новый перевод — сравни

также Ин. 19.30: «И когда вкусил Иисус укуса, Он сказал: совершилось». Смотри также 19.28 и Евр. 2.10 и 5.9.

Число примеров, где можно убедиться, что современная наука продвинулась в понимании греческого текста, не исчерпывается приведенными примерами. Можно упомянуть места, как-то Ин. 8.25, 1.2, 17.11-12. Мф. 26.50, Мк. 7.19, Лк. 9.51, где перевод существенно отличается от старого.

Следует также отметить, что в ряде мест даны альтернативные переводы или просто уточнения под строкой.

III.

В нескольких местах новый перевод возвращается к славянскому переводу.

1) Ин. 8.24, 28, 58; 13.19; 18.5, 6, 8.

В этих стихах Евангелия от Иоанна встречается греческое выражение, которое дословно значит «Я есмь». Старый перевод переводил обыкновенно «это Я». На самом деле современное богословие видит в этих словах Евангелиста Иоанна некий прикровенный намек на смысл имени Божия; по-еврейски Имя Божие Ягве происходит от еврейского глагольного корня «быть». (Смотри Исх. 3.19 слова Бога при купине и греческий перевод Имени Божия выражением «Сущий»).

«Я есмь» в словах Христа может быть также понято, как указание на все то, что Христос говорит о Себе, на содержание всей его проповеди.

Особо знаменательны в Евангелии от Иоанна стихи 8.58 и 18.6. Старый перевод сохраняет «Я есмь» лишь в стихе 8.58. В славянском старом всюду стоит «Аз есмь».

2) Другой пример возвращения нового перевода к славянскому мы имеем в тексте:

Ин. 12.40:

Народ сей ослепил глаза свои. Он ослепил их глаза.

Интерпретация старого перевода не соответствует подлиннику, но отвечает разночтению греческого ветхозаветного перевода.

Osty: «Il a aveuglé leurs yeux».

V. de Jér.: «Il a rendu leurs yeux aveugles».

R. S. V.: «He has blinded their eyes...».

3) Третий пример возвращения к смыслу, хотя и не к букве, славянского перевода мы находим в Лк. 23.42.

Помани меня, Господи, когда увидишь в царствие Твое! когда Ты придешь как Царь.

Славянский перевод, верный букве греческого подлинника, имеет «егда приидеши во Царствии си», а не в Царствие ... Царствие в таком случае можно понять, как царское достоинство царя, — можно было перевести: «когда приидеши облеченный царским достоинством», т. е. как царь. Разбойник говорит о царственном явлении Мессии, которое ждали все евреи того времени.

IV.

В старых рукописях отсутствуют некоторые отдельные выражения, стихи, или даже целые отрывки. Конец Евангелия от Марка отсутствует в старых рукописях (Мк. 16.9-20), а также отрывок из Евангелия от

Иоанна (Ин. 7.53-8.11). В новом переводе оба отрывка помещены в скобки с соответственными примечаниями.

В параллельных повествованиях Мф., Мк. и Лк., некоторые отдельные выражения встречаются в старых рукописях иногда только у одного из Евангелистов, а в поздних рукописях попали и в другие; такие выражения опущены с примечанием под строкой. Мф. 17.21, 18.11, 23.14. Мк. 11.26, 15.28, Лк. 17.36.

Стих Мк. 7.16 выпал но подобное выражение осталось во многих других местах.

Мк. 9.44, 46 опущены, но остаются в 9.48.

Лк. 9.55-56 сокращены, но встречаются у Лк. 19.10.

Ин. 5.3-4 поставлены в скобки с примечанием.

Очень редки случаи полного опущения нескольких слов (части ст. Мф. 19.1, Лк. 9.54...).

Н. Куломзин

ХРОНИКА

О ЛАГЕРЕ Р.С.Х.Д.

Лето 1959 г.

Жизнь в лагере — нечто замечательное и большое: нигде так не чувствуется вся полнота жизни; живешь всем существом, всем сердцем. Что-то особое и ни на что не променяемое ощущаешь в лагере в St-Theofrey. Действительность христианской общины и подлинного человеческого контакта сильно поражает в особенности тех, кто приезжает в первый раз. В лагере как-то все равны и близки друг другу, все живут в нем большой и дружной семьей, в которой исчезли ненужные социальные преграды... и нигде обращение священника — «братья и сестры» не звучит так реально и так правдиво.

В лагере дети не только поправляются, но и развиваются духовно и нравственно, а в наше время это очень важно и необходимо. В течение двух летних месяцев дети приучаются к самостоятельной жизни — и часто впервые приобретают здесь ценный «жизненный опыт» но кроме того, дети привыкают жить среди большой общины, благодаря чему излишек их эгоцентризма постепенно исчезает. Нужно также особенно отметить тот факт, что в лагере ребенку дается возможность соприкоснуться с реальностью веры. Большое богатство закладывает в их душу подобный опыт: тогда как современный цинизм пагубно на них влияет, лагерная жизнь приносит огромное очистительное влияние, дает возможность увидеть в христианском идеале руководящий принцип всей жизни, а в православии — духовное богатство.

Лагерь еще тем действительно замечателен, что в нем живет русский дух. Почти все лагерщики родились за рубежом, во Франции, Бельгии, Англии или даже Америке, но во всех еще горяч русский нрав и православная вера жива. Каждый русский испытывает радость от того, что наконец-то русская душа может воплотиться во что-то реальное, радуется, что так хорошо и свободно ведется русская работа, радуется, наконец, что русский человек может свободно говорить с русским человеком. Как очень хорошо сказал один из лагерщиков — лагерь является подлинной частицей русской земли, ибо в нем живут, и каждое лето снова расцветают, часть тех старых идеалов, которые руководили Россией и которые создали незабываемый облик нашей древней Святой Руси.

С. Фицхеларов

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ 1959 Г. В СЕН-ТЭОФФРЭ (ФРАНЦИЯ)

В лагере Р.С.Х.Д. всего перебивало 78 человек, причем русских студентов было 53, англичан — 11, французов — 13 и одна студентка немка. Работа со студентами протекала в следующих областях: 1) **Лекции на религиозные темы.** Были заслушаны следующие доклады: «О книге Иова», о. А. Князев. — «О христианской морали», о. А. Семенов-Тян-Шанский. — «Христос и христиане», о. В. Бакст. — «Роль римского папы», Н. А. Куломзин. — «О непорочном зачатии», Ю. И. Демидов. — «О Filioque», В. Н. Ильин. — «О подвиге св. Серафима Саровского», В. Н. Ильин (по-русски) и Е. Бер Сигель (по-французски). 2) **Лекции о русской литературе.** «Духовный путь Гоголя», К. Ельчанинов. — «Творчество Гоголя в его собственной оценке», В. Водов. — «Гоголь и черт», В. Н. Ильин. — «Значение Гоголя для русской литературы», В. Н. Ильин — «О Блоке». А. Тадевосиан. — «О Баратынском», В. Водов. — «О творчестве Л. Толстого», В. Н. Ильин. — «О гении и гениальности», В. Н. Ильин. 3) **Лекции на свободные темы.** «О русской революции», Ю. И. Демидов. — «Русское судебное законодательство», А. Л. Мищенко. — «Бергсон и русская литература», В. Н. Ильин. 4) **Чтение классических произведений.** Артистом В. П. Субботиным были прочитаны «Гаудеамус» Андреева, «Ревизор» Гоголя, «Женитьба» Гоголя, «Лес» Островского, «Царь Иоанн Федорович» А. Толстого и ряд рассказов Чехова. 5) **Театральная деятельность.** Была представлена пьеса «Романтики» (в русском переводе) Э. Ростана, под руководством В. П. Субботина (1-ое действие). 6) **Лекции, посвященные музыке** (ежедневно): среди других произведений были заслушаны оперы «Град Китеж» и «Борис Годунов».

ЛАГЕРЬ ЮНОШЕСКОГО ОТДЕЛА Р.С.Х.Д. 1959 Г.

В летнем лагере Юношеского Отдела перебивало 160 человек детей от 7 до 17 лет. Было 19 руководителей и 5 педагогов. В программу входили изучение Закона Божия, русского языка, пения, прикладное искусство и спорт. Отрядов было в этом году 12, из коих 4 для православных детей, говорящих по-французски.

В течение лагеря был устроен 2-дневный съезд для юношества; были заслушаны следующие доклады: «О дружбе», И. Зайончек; «О любви к родине», А. Сериков; «О любви к миру», К. Ельчанинов.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ

17 и 18 октября 1959 г., в Vièvres, состоялся осенний съезд Р.С.Х.Д., привлекая многочисленную молодежь (перебивало 195 человек). Работа съезда протекала в обычной оживленной атмосфере начала учебного года. Старые друзья Движения разделяли оживление молодежи, с которой они в эти дни сблизились в совместной общей жизни.

Богослужения, особенно ежедневная литургия, общее говение участников органически сплетались с идейной частью съезда. Доклады обсуждались в отдельных группах и итоги работы последних объявлялись в кратких общих собраниях: таким образом молодежь получала возможность активно участвовать в разработке общей темы съезда.

Епископ Сильвестр говорил о духовной жизни и показал, что она не является обязанностью одних только монашествующих; в частности,

аскеза, что обозначает по-гречески **упражнение**, необходима для духовной жизни каждого христианина. Само монашество не заключается в бегстве от мира, ибо зло в самом человеке, а от себя никуда не убежишь; монашество лишь особый путь все той же борьбы за христианскую духовную жизнь, к которой мы все призваны.

Проф. прот. В. Зеньковский говорил о христианском персонализме. О. Василий показал, как зародившийся в 15-ом веке индивидуализм являлся реакцией против чрезмерно мрачного взгляда средневековья на человеческую природу и против стеснения человеческой свободы. Но героический пафос освобождения человека впоследствии выродился в анархические движения, которые выявили, что свобода не имеет в себе самой ни смысла, ни силы. Лишь в христианском персонализме разрешается проблема свободы.

Н. А. Струве, преподающий русский язык в Сорбонне, говорил об очерковании жизни, как цели Движения, и о задачах, встречающихся на пути к этой цели. Докладчик особенно настаивал на том, чтобы мы не только осознавали нашу ответственность за жизнь Церкви, но реально включались бы в построение церковной жизни.

Затем католический священник, китаец, о. Фр. Хуанг, прочел на французском языке блестящий доклад о Китае. Он указывал, что существует некая единообразная китайская душа, несмотря на разнородный состав огромнейшего китайского народа. Трудность китайского языка и особенно его письма привела к созданию мифа о загадочности китайцев, между тем как сам китайский язык весьма помогает понять китайскую душу. Идеографическое письмо и четырех-тональность разговорной речи придали китайской душе эмоциональность и примат эстетического момента над абстрактно-рассудительным. Все мышление у китайцев построено на искании гармонии, в отличие от западного мышления, построенного на размышлении и разграничении понятий, на их противопоставлении. С другой стороны, вся социальная система, включая (в старом Китае) и государство, построена на семье. Китайская семья является основным духовным ядром в жизни китайского народа. В заключительной части своего доклада о. Фр. Хуанг настаивал на том, что современный китайский коммунизм одержит победу только в том случае, если ему удастся разрушить основы китайской семьи... Что касается христианства, то о. Фр. Хуанг отметил, что, к сожалению, оно в глазах китайского народа было всегда связано с «экспансионной» политикой больших западных держав. Христианство для китайцев — религия политических врагов (особенно с момента войны за опиум). Дело распространения христианства в Китае, так успешно начатое иезуитами в XVI-м веке (что свидетельствует о том, что китайская душа была открыта к восприятию Христовой истины), было скомпрометировано последующей борьбой между иезуитами и доминиканцами, которые хотели насадить в Китае христианство в его западных формах. Итак, блестящие возможности ведения христианской миссионерской работы в Китае с тех пор фактически закрылись.

Последним оратором выступал О. Clément, профессор истории в одном из парижских лицеев. С искренним пафосом он говорил об истоках и причинах современного атеизма, указывая на ответственность христиан. Долго атеизм был достоянием отдельных лиц и только в современную эпоху произошел на Западе процесс, вследствие которого атеизм стал массовым явлением. Причины: антропоморфическое представление о Боге, неправильное использование в богословии принципа авторитета,

применение насилия и оправдание его для ограждения и распространения истины, о чем свидетельствуют инквизиция, религиозные войны и т. д. Современный атеизм есть драма христианской совести и исходит из противоречий христианского общества. Атеизм проник с Запада и в православные страны, но, к сожалению, и православные народы оказали ему слабое сопротивление. Преодоление современного атеизма возможно только в возврате к духу Евангелия и именно к подлинной внутренней свободе, как в сознании, так и в жизни.

Тема съезда была хорошо и всесторонне разработана докладчиками. Если самые младшие участники съезда, впервые приехавшие на съезд Движения, не усвоили всего слышанного, нет сомнения, что заброшенное семя возрастет при повторных посещениях съездов Р.С.Х.Д.

И. М—а.

СОВЕЩАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА МИРОВОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ НА ОСТРОВЕ РОДОСЕ В АВГУСТЕ 1959 Г.

Англиканец, член Содружества имени Преп. Сергия Радонежского и св. муч. Албания, присутствовавший на Совещании, нам пишет: «Православные сотрудничали в движениях «Жизнь и Труд» (Стокгольм, 1924 г.) и «Вера и Организация Церкви» (Лозанна, 1927 г.) с самого начала их существования и в числе первоначальных членов учредителей Мирового Совета Церквей мы найдем представителей всех древнейших православных Патриархатов и многих Автокефальных Православных Церквей. Тем не менее тот факт, что Совещание Центрального Комитета Мирового Совета Церквей впервые имело место в православной стране, было событием, имеющим очень большое значение для продолжающейся истории Экуменического Движения. Приглашение собрать Центральный Комитет на острове Родосе было сделано Вселенским Патриархом, греческой Церковью и греческим правительством еще в 1956 г. С чувством большого воодушевления и полными высших надежд отчалили от афинской пристани в этот памятный всем день 19-го августа все не-православные члены Центрального Комитета и их сотрудники, и уже на пристани этого исторического острова, встреченные Родосским Митрополитом Спиридоном и его верными помощниками, они почувствовали начало осуществления их надежд.

Православные Церкви были представлены на этом Совещании лучше, чем на всех предыдущих Совещаниях Центрального Комитета. Только что избранный православный председатель Мирового Совета Церквей, архиепископ Иаков, глава греческой епархии в Северной и Южной Америке, к сожалению, не мог присутствовать, остальные семь православных членов Центрального Комитета: архиепископ Физирский Афинагор, митрополит Карфагенский Парфений, митр. Филадельфийский Иаков, еп. Сан-Францисский Иоани, прот. Георгий Флоровский, проф. Братсиотис и проф. Иоаннидис были на Совещании. Кроме них присутствовали представители православных Церквей, которые «до сих пор не были еще представлены»: митр. Севастийский Афинагор (Иерусалимский патриархат), митр. Епифанийский Игнатий (Антиохийский патриархат) и архимандрит Калениос Масриотис (Кипрская Церковь). Специальное Представительство Вселенского Патриарха включало в себя: семь профессоров Халкинской Богословской Школы, митр-а Критского и проф-а Петракис, четырех митрополитов Додеканезских островов; три представителя епархии Вселенского Патриарха в Северной и Южной Америке, митр. Пелусианского Парфения, ар-

химанд. Тимиадиса и других. Из самой Греции прибыли: епископ Ахай, Пантелеймон, представлявший архиепископа Афинского и семь профессоров богословов. Ко всем перечисленным нужно еще добавить наблюдателей, представлявших Церкви, которые не являются членами Мирового Совета Церквей. Таковыми были на этот раз: прот. Виталий Боровый и г-н В. Алексеев от Московского Патриархата, а также представители Сербской и Польской православных Церквей. Московский Патриарх впервые прислал своих наблюдателей на Совещание такого рода. В общей сложности присутствовало около пятидесяти православных делегатов, из них тринадцать в епископском сане, и были представлены одиннадцать различных Православных Церквей и юрисдикций.

Д-р Виссер-т-Уфт, генеральный секретарь, в своем вступительном докладе остановился продолжительно на том факте, что послание Вселенского Патриарха в январе 1919 г. было первым призывом образовать Мировую Лигу или Совет Церквей. Первым и самым важным вопросом, по мнению докладчика, является вопрос о взаимоотношении между Православными Церквами и другими Церквами, членами Мирового Совета Церквей. Э. Шлик, проф. Гейдсльбергского Университета и К. Константинидис, проф. Халкинской Богословской Школы прочитали доклады на эту же тему, после которых последовало общее их обсуждение. В течение всего Совещания многие православные делегаты высказали свое твердое и ясное мнение по всем главным вопросам, стоявшим в программе. И никто из принимавших участие в Совещании не мог не быть пораженным тем фактом, что Мировой Совет Церквей далеко не является только «пан-протестантским» Собранием, но действительно «все-христианским», не только по своему замыслу, но и фактически обнимающий почти все христианские церкви, начиная от Кваксов и включая в себя церкви протестантской традиции как-то: Баптистскую, Конгрегальную, Лютеранскую, Методистскую, Реформаторскую, и далее церкви католической традиции, а именно: Англиканскую и Старо-Католическую, и кончая Православной Церковью. Общим догматическим основанием для всех членов Мирового Совета является исповедание тринитарного догмата и что «Господь Иисус Христос есть Бог и Спаситель».

Особенно поражающим символом этой общей веры во Христа, несмотря на серьезные различия в ее интерпретации, которые до сих пор разделяют христиан на отдельные церковные организации, было служение Божественной Литургии в Родосском соборе. На ней присутствовали все члены Центрального Комитета. Всем был дан полный текст литургии на греческом и английском языках и все приняли антидор. Митр. Родосский сам проповедывал и пригласил, также, обратиться с проповедью к присутствующим Др. И. Бэйли, одного из председателей Мирового Совета, бывшего Модератора Шотландской Пресвитерианской церкви. Кроме этого, с присущим ему тактом и вниманием митр. Спиридон устроил так, что в распоряжении инославных членов Комитета, для совершения ежедневных служб, оказалась часовня западного стиля. Во время Совещания члены Комитета совершили паломничество на остров Лимнос в бухту св. ап. Павла, посетили развалины Аргопага, а также и остров Патмос, где все вместе воздали благодарность Богу за нашего общего отца по вере, св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

Примечательной чертой состоявшегося Совещания было то, что различные православные делегаты чувствовали себя свободными выражать свое мнение во время общих обсуждений даже тогда, когда были некоторые

несогласия между ними. Например, в то время как некоторые православные делегаты выражали свои очень серьезные сомнения по поводу правильности предложенного проекта о соединении (интеграции) Интернационального Совета Миссий с Мировым Советом Церквей, епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) выступил перед Совещанием с трогательным призывом о более положительном отношении к этому проекту. Такое открытое и свободное участие православных делегатов в общих обсуждениях было всеми очень высоко оценено, и оно как будто-бы указывает на еще один важный шаг, сделанный во взаимных отношениях. Было также весьма значительно, что митр. Крутицкий и Коломенский, Николай, в своем приветствии Центральному Комитету, выражая свою симпатию тем усилиям, которые делаются церквами, членами Мирового Совета Церквей для решения многочисленных социальных проблем нашего времени и той работе в пользу мира, выразил надежду, «что социальные заботы Мирового Совета Церквей не заслонят собою главную задачу Экуменического Движения — стремление к единству в вере, раздробленную, в настоящий момент, различными толкованиями». То, что эта часть приветствия была так благоприятно принята многими из присутствовавших, подает надежду, что мы приближаемся к заключению старого спора о том, что должны ли православные принимать участие в работах Мирового Совета Церквей, относящихся только к изучению социальных проблем, или, что они могут принимать участие, также и в изучении, и в конференциях, посвященных вопросам «веры и церковного устройства».

В течение Совещания произошли различного рода неофициальные встречи между делегатами, так, например, однажды православные делегаты устроили прием в честь англиканской делегации. Одна из таких неофициальных встреч получила, к сожалению, как многие думают, мировую известность. Тут имеется в виду встреча православных делегатов с о. Дюмон и другими римо-католиками, которые присутствовали на Родосе, одни в качестве журналистов, другие в качестве наблюдателей. Эта встреча оказалась представленной, по крайней мере в римо-католической прессе, как приведшей к официальному, или полу-официальному предложению устройства в 1960 г. в Венеции встречи православных и римо-католических богословов для обсуждения условий воссоединения этих двух церквей. Инцидент может считаться оконченным после официального заявления, сделанного в Ватикане 21-го октября, что такая встреча не будет иметь места. Необходимо однако заметить, что касается Мирового Совета Церквей, что многие в нем считают, что в настоящее время вновь открылся путь к возобновлению спокойных, без всякой рекламы, встреч богословов римо-католических, православных и протестантских для обсуждения богословских вопросов, имеющих общий интерес. Многие считают, что совершенно безразлично, будут ли такие встречи односторонними или многосторонними, лишь бы их конечная цель была бы единение, которое заключало в себе всех христиан, в настоящее время разединенных, будь то они римо-католики, православные, англикане или протестанты.

ПАМЯТИ М. М. КАРПОВИЧА

7 ноября после продолжительной и тяжелой болезни скончался в Америке проф. Михаил Михайлович Карпович. С глубокой скорбью встречаем мы это печальное известие — эмиграция лишилась в лице М. М. одного из лучших и благороднейших своих представителей. В Америке,

может быть в эмиграции вообще не было другого человека, к которому питали такое доверие самые различные группы — для всех М. М. был искренним другом, добрым советником, отзывчивым человеком.

После окончания Московского Университета, где М. М. был учеником Ключевского, М. М. уехал в Соединенные Штаты, где стал сотрудником русского посла Б. А. Бахметева, а после его смерти заменил его в ряде его работ на пользу эмиграции. М. М. переселился затем в Бостон, где стал преподавателем в знаменитом Harvard University. Позже он стал там профессором по кафедре русской истории, деканом славянского отделения. М. М. принял самое живое участие в организации Чеховского Издательства; не менее ценно было и то, что он был редактором единственного крупного русского журнала («Новый Журнал»).

С особой любовью вспоминаем мы помощь и участие М. М. в организации РСХД в Америке (М. М. был председателем РСХД в Америке). Все, кто имел радость лично знать М. М., всегда будут помнить этого замечательного человека, которым справедливо может гордиться эмиграция.

М. М. много писал и в Новом Журнале и в различных английских сборниках на русские темы.

Вечная память ему!

Прот. В. Зеньковский

ПАМЯТИ МИШИ КРАЕВИЧА

9 августа сего года трагически погиб в лагере, во время шестидневного похода. Миша Краевич, старший Дружинник Юношеского Отдела Р.С.Х.Д. Внезапная смерть одного из лучших членов Дружины Мальчиков была пережита всеми нами как большое несчастье. Все те, кто знали Мишу Краевича, любили его за его добрую, отзывчивую душу, открытую к служению духовным ценностям и стремящуюся эти ценности воплотить в своей жизни.

Миша Краевич, несмотря на свой юный возраст, активно принимал участие в жизни Дружины, охотно исполняя ответственные работы в разных областях, всегда стремясь оказать реальную помощь как общему делу, так и своему ближнему.

Светлым и утешительным останется в нашей памяти образ отошедшего к Богу Миши Краевича.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 К ВЕСТНИКУ Р. С. Х. Д.

издаваемое Религиозно-Педагогическим Кабинетом под редакцией
о. В. Зеньковского и К. А. Ельчанинова

ОТДЕЛ 1

НУЖНО ЛИ ПЕДАГОГУ ИМЕТЬ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ?

Мы ставим этот вопрос не в отношении личной жизни педагога, а в отношении его педагогической работы: нужно ли для этой работы иметь мирозерцание? Что для педагогической работы нужно быть знакомым с основными принципами педагогики, что нужна (и это даже важнее) педагогическая интуиция, чтобы разбираться в детях, в их индивидуальности, — это признают все. Но какое же отношение может иметь мирозерцание к работе с детьми? Все новая педагогика антимирозерцательна, словно интуиция совершенно достаточна для живой и творческой работы с детьми. Но эта антимирозерцательная установка в педагогике есть лишь одно из выражений **секуляризма**, того основного в новой истории течения, которое строит всю культуру вне религии, вне связи с Богом. Секуляризм возник в Зап. Европе уже в XVI веке — и с тех пор он проник во все отрасли творчества, подчинил себе все формы живой деятельности. Но секуляризм, отрывая культуру от религиозной жизни, от Церкви, дает лишь мнимое решение тем жизни: вне отношения к Богу, как Источнику света и правды, в человеке все относительно, все неустойчиво. На этой почве возник и тот атеистический экзистенциализм, апостолом которого является Сартр и который есть в сущности крик отчаяния, рождающийся из сознания, что **над** человеком нет ничего. Воспевание свободы у Сартра может ли освободить от горького сознания, что надо всем царит смерть, что все подчинено пустому «Ничто»? Вся жажда бесконечности, вся потребность подлинной, укорененной в вечности жизни, — все это превращается в детскую, бессмысленную фантазию. Нечего удивляться тому, что горечь и отчаяние, вырастающие отсюда, давят на человеческую душу.

Наша работа с детьми получает свой смысл лишь в том случае, если есть Вечная Правда, если есть Вечная Жизнь. Вне этого что мы можем дать детям? Развить их способности, помочь им психически созреть, чтобы подвести их к той же пропасти, у которой мы сами стоим? Если наша личность не от Бога, не от Вечной Правды, к чему все благороднейшие движения души, искание идеала, все то, чем красится наша жизнь?

Да, безмиросозерцательная педагогика есть порождение секуляризма и вытекающего из него атеизма. Во имя нашей любви к детям мы должны опираться в нашей работе с ними на Вечную Правду, дыханием которой только и держится душа. Нельзя вести детей, если впереди нет действительной правды, если впереди нет Царствия Божия... Педагогика более чем какая-либо иная форма творчества, получает свой смысл, свою силу только от связи нашей с Вечной Правдой. А это значит, что, входя в общение с детьми, мы должны знать путь к этой Вечной Правде. Только христианство осмысливает нашу жизнь, только оно сообщает силу и творческое вдохновение в наше общение с детьми, в нашу педагогическую работу.

Прст. В. Зеньковский

ВСЕХ ЛИ ДЕТЕЙ НАДО УЧИТЬ МУЗЫКЕ?

Отвечу: обязательно всех — только по-разному. Одних — как творцов и исполнителей, других — как слушателей. Музыка движется вперед не только теми, кто ее творит, но и теми, кто ее воспринимает. К сожалению пропасть между ними еще очень велика. Как заполнить ее? Как приобщить к музыкальной культуре среднего, рядового человека, т. е. слушателя музыки, для которого она является закрытой книгой? Достигнуть этого можно только тогда, когда музыкальное развитие будет полноправным предметом школы и будет преподаваться по определенной программе.

В прежнее время считалось, да мнение это не изжито и сейчас, что учить ребенка музыке это значит засадить его за фортепьяно и заставить играть гаммы, Ганон, упражнения для пяти пальцев и **прочие** скучные вещи. В большинстве случаев из такого обучения не только ничего не выходило, а часто оно вызывало у ребенка ненависть к музыке на долгие годы. Несостоятельность этого метода давно была понята музыкальными педагогами. Начались искания как у нас, так и за границей, но они сводились или к новым методам преподавания игры на фортепьяно или к тому, чтобы облегчить усвоение музыкальной грамоты. Музыкальное дото, ноты, цифры, ноты буквы, ноты птички и т. п. Все это в сопровождении занимательной сказки, конечно. Методы эти имеют несомненно много достоинств, т. к. помогают **обучать** музыке. Если бы только в **обучении** было дело! Первый, кто посмотрел в корень вопроса был творец ритмической гимнастики **Жак Далькроз**. Музыка, говорит он, не есть обучение игре на каком-либо инструменте, ее нельзя выучить, постигнуть умом. Нужно переродить музыкальную

сущность человека, чтобы сделать его музыкально восприимчивым. Другими словами Далькроз рассматривает музыкальное развитие, как психифизическое развитие ребенка. Он считает, что оно нужно ему не только для восприятия музыки, но и для гармонического развития как его физической так и духовной природы. Влияние идей Далькроза было огромно не только за границей, но и у нас, особенно после того, как были открыты в Петербурге курсы ритмической гимнастики. Оно прокатилось живой струей по всей России и очень скоро дало ощутительные результаты. Не только консерватории, а и некоторые школы заводят у себя ритмическую гимнастику, вплетая ее в уроки школьного пения. Новые идеи рождаются в музыкально-педагогическом мире. На Съезде хоровых деятелей был выработан и подан в Государственную Думу проект программы обязательного музыкального развития в школах с пожеланием, чтобы в каждую губернию был назначен инспектор, знающий дело, а так же школы для пополнения кадров. Незадолго до революции должен был состояться съезд директоров реальных и коммерческих училищ для пересмотра всей учебной программы. Предполагалось ввести музыкальное развитие как обязательный предмет. Но настала революция и смела все эти начинания.

Первые годы после революции музыкальные педагоги продолжали по инерции свою творческую работу, как кто умел, не смотря на тяжелые условия физического существования. Это возможно было до тех пор, пока из центра не пришли директивы, сводившие на нет всякое живое дело. (Гонение на сольфеджио и музыкальную грамоту, гонение на лирику и т. д.). Пение в школах заглохло на долгое время. Большевицкие власти спохватились только через несколько лет, объявив «левацким уклоном» то, чего сами же требовали. Музыкальные педагоги опять подняли голову. Есть сведения, что перед войной началось возрождение в области музыкального развития детей и не только в центре, но и в провинции.

В чем же должно заключаться музыкальное развитие ребенка в общеобразовательной школе? В развитии голоса, слуха, ритмического чувства и внимания в знакомстве с музыкальной грамотой, в умении слушать музыку и разбираться в ней и, наконец, ребенок должен приобрести известный запас как народных мелодий, так и лучших образцов музыкальной литературы.

Так как пение играет главную роль в музыкальном развитии ребенка, скажем несколько слов о голосе.

В XX веке школы стали очень заботиться о физическом развитии детей, но в этом есть и большой недочет — отсутствие заботы о детских голосах. Как мало знаем мы о нашем голосе, а между тем с утра и до ночи эксплуатируем его.

Ошибочно думать, что только певцы и драматические артисты должны заботиться о своем голосе. Профессора, военные, священнослужители, школьные учителя, приступая к своей деятельности обычно не задаются вопросом, годен ли их голосовой орган для той работы, которая ему предстоит, и как часто он жестоко их за это карает. В результате сколько разочарований, разбитых надежд, загубленных карьер! И пострадавший не отдает себе отчета, почему эта беда с ним приключилась. Ему кажется, что не будь какого-то случайного обстоятельства, все было бы благополучно. Начинается хождение по докторам, его лечат электричеством, лекарствами, смазываниями и все без результатов. Только в последнее время начали появляться среди горловых врачей специалисты по голосу, которые знают, в чем дело. Мы говорили о профессиях, но и в обыденной жизни встречаются часто лица, не могущие читать вслух, позвать далеко находящегося, а есть и такие, которые утомляются и от разговорной речи.

Самый распространенный недостаток это невнятность речи. Как он несносен для самого говорящего и для окружающих: что? как? не слышу, да говори же громче — слышим мы то в одной, то в другой семье. А дело здесь не в дурной привычке, а в ненормальном состоянии голосового органа. А представьте себе школьного учителя, страдающего этим недостатком. Дети должны затрачивать двойную энергию на то, чтобы постигнуть преподаваемый предмет, а кроме того улавливать ускользающую, расплывающуюся в пространстве речь учителя. А сколько знаем мы людей нестерпимо громко говорящих. Этот резкий, действующий на нервы звук, как и невнятность речи происходит от неправильного резонирования голоса. Ну, а если говорить о красоте голоса, можно и совсем в отчаянье прийти. Жутко становится, когда выходит на эстраду высоко культурный человек и заговорит таким накулькурным голосом. Грязные ногти, небритое лицо нас шокируют, а гнусавый, силый голос — нисколько. Как часто встречаем мы изящную женщину, а заговорит хриплым басом и все обаяние пропало. Или солидного мужчину, говорящего глупеньким тенорком.

Недостаток этот или болезнь носит название «фоностения», т. е. функциональное расстройство голосового органа. Я подчеркиваю функциональное, т. е. у субъекта, страдающего этой болезнью, горло по большей части совершенно здоровое. Врачи таких пациентов отправляют к преподавателю пения. Пациент недоумевает: «да у меня же голосу нету». «Меня это не касается — возражает доктор — пение нужно вам, как лечебное средство».

М. Черношвигова

(Продолжение следует)

О РАБОТЕ РУКОВОДИТЕЛЯ В ЛАГЕРЕ

В течение уже больше четырех лет я непрерывно работаю как руководитель с детьми младшего возраста. С первых же моментов я очень заинтересовался этой деятельностью и, должен сказать, очень полюбил ее. Работа с детьми — это постоянный и богатый контакт с человеком. Мир ребенка часто открывает совершенно новый или часто нами забытый взгляд на жизнь. Но еще больше, чем ознакомление с этим миром, интересна и сама работа с детьми, работа с ними, как с будущими людьми.

Чтобы работать с детьми, необходимо **их любить**. Невозможно работать не любя; полностью руководитель должен отдаваться своему труду, роль его многосторонняя и богатая; он должен быть и «водителем» (*менеджер*) и воспитателем, и просто другом и товарищем. Сначала бывает трудно сочетать все эти стороны, но сочетать их необходимо, ибо плохой тот руководитель, который или только надзиратель, или только воспитатель, или только товарищ.

Много имеет значения способ, как войти в контакт с ребенком. Не всякому доверится ребенок и не всякого полюбят и будут слушать. По своей натуре ребенок очень чуткий и восприимчивый, напрасно взрослые люди часто этим пренебрегают. Необходимо подойти к ребенку на равной с ним ноге и сблизиться с ним, говоря на общем языке и об общих интересах. Руководитель должен быть исключительно гибким и моментами воплощаться в детскую психологию и в детский мир... Почувствовав контакт с ребенком, руководитель может тогда, и только тогда, начать руководить.

Необходимо сперва показать свою волю, и решив что-нибудь, никогда не сдаваться, даже во имя милого отношения. Ребенок должен все же чувствовать, что **вы руководитель**. Нельзя с ним спорить — он на это не имеет право — а нужно объяснять и показывать все то, что вы им говорите или приказываете (ребенок должен понимать все то, что он делает или видит) — это отвечает основным запросам детей; да на то и ребенок, что ему нужно столько выучить, узнать и понять.

Хороший способ для удачи в руководительской работе — это **постоянная улыбка** и непрерывное спокойствие. Руководитель не имеет права раздражаться или терять спокойствие: дети сразу это подмечают и всячески стараются окончательно вывести из себя руководителя. Раздражаться ведь можно только на абсолютно себе равного; а почувствовав равенство, дети и будут соперничать с руководителем, — кто кого, мол, победит.

Детей нужно стараться наказывать как можно меньше. Наказание не может являться принципом воспитания. Чем меньше руководителю приходится наказывать, тем лучше значит он справляется. Если ребенок плохо поступил, объясните это ему в первый раз — ибо не всегда ребенку ясно, что он плохо поступил — чтобы на второй раз, если он повторит то же самое, он почувствовал, что этим поступком **он** сам наказывает себя, а не вы, и что вам абсолютно даже не интересно его наказывать. Если ребенок это поймет, то невольно он как бы сам будет участвовать в своем воспитании! Такой психологии очень важно достичь. В большом коллективе она очень облегчает и ускоряет руководительскую деятельность.

Нельзя над ребенком смеяться — он уже человек с достоинством, самолюбием и с духовным началом. Нужно его принимать всерьез и этим самым давать ему уже возможность находить самого себя. Ребенку такой подход будет очень приятен, ибо дома, в семье, он всегда будет ребенком... всегда будет «дитей». Если же он увидит, что вы с ним разговариваете, как с равным, то он охотно примет и серьезный разговор и беседу, и даже с жаром примет в ней участие. Задашь вопрос, два, и разговор завязывается. Вечером, в постели, он охотно будет вас слушать (нужно заметить, что вечером ребенком совсем другой, чем днем). Вообще, чтобы ребенка заинтересовать чем-нибудь, хорошо возложить на него ответственность за порученный ему труд. Ребенок это очень любит. Любит он также, чтобы оценили его работу, заметили ее, похвалили бы. Дети не любят исполнять приказания, но с охотой вызываются на сделанное всем предложение: «А кто хочет сделать?..»

Не нужно тоже забывать, что руководитель — живой пример, и что он должен быть безупречным. Надо стараться не делать перед детьми того, что им не дозволено: чувство справедливости у них очень развито.

Верный признак удачи или неудачи нашей работы — это любят ли вас дети или нет. Если вас не любят, значит вы не сумели подойти к детям, значит вы для них надзиратель и только, то есть **не** руководитель и **не** друг. Для хорошего руководителя **любовь к нему детей** должна являться **верным критерием** удачи или неудачи его работы. Притом нужно всегда стараться не сводить свои отношения с детьми **только** на дружескую ногу. **Дети должны в вас любить своего руководителя, а не только друга!** Любовь большая вещь; особенно в руководительской работе, благодаря ей, можно все сделать, что хочешь и достичь любого позитивного ре-

зультата. Ребенку свойственно любить, любовью нужно его и брать!...

В играх руководитель должен быть хорошим водителем, но следует ему не забывать, что **его место второе**, ибо всегда первое — детское. Поэтому не хорошо навязывать детям свое первенство. Руководитель должен их ввести в игру, но после этого всегда становится на равную ногу с ними. В игре все равны. Дети это очень ценят.

Интеллектуальная и религиозная работа с детьми — вопрос очень серьезный и важный. Лучше всего для того, кому легко говорить, проводить ее в беседах и в рассказах. Дети любят, когда им рассказывают. К чтению они часто более, чем равнодушны(!) В рассказе же, они имеют с вами больше контакта, да и вообще форма рассказа более живая, и поэтому больше к ним подходит. Религиозная или духовная беседа всегда должны быть по поводу чего-нибудь, — рассказа, происшествия, события. Только так можно достичь полного общения, а не «чтения морали», как они сами говорят. В ребенке от 9 до 13 лет религиозное и духовное чувство еще мало развито. Сильное течение жизни их слишком быстро несет. Но нужно заметить, что мальчики любят прислуживать в церкви и все дети часто любят батюшку и все церковное. Религиозную сторону им трудно и рано еще воспринять, но можно уже начать готовить почву их веры будущих зрелых людей; воспитывать в них **человека**, гуманного и доброго, и выбивать из них эгоцентризм и эгоизм. Приучать их делиться со всеми. Давать им пример любви, чтобы они тоже сумели потом любить и отдаваться и Богу и людям. Нужно все время зажигать и поощрять их хорошие стороны (у них их столько!). Часто воспитание родителей слишком сосредоточено на детях: им все дается и дается (*on les gâte*). Роль же руководителя приучать их **отдавать** то, что они получили и получают, отдавать как уже маленькие мужчины и маленькие женщины. Это очень важно и в этом большой духовно-воспитательный смысл: самовоплощение ребенка! Ручная работа и прикладное искусство имеют как раз этот самый смысл самовоплощения. Поэтому нужно поощрять все творческие наклонности детей. Также и в играх хорошо всегда представлять игру так, чтобы она имела какой-то смысл или какую-то тему; таким образом ребенок может всегда воплощаться.

Закончу теперь вопросом о трудных детях. Вообще все руководительские правила дисциплины должны разным образом **приспосабливаться** к разным типам детей. Немыслимо, чтобы руководитель одинаково обращался со всеми детьми. Но эти разные отношения не должны быть заметны другим. Ребенок вам не простит

несправедливости. Поэтому — общее правило для всех, но применяемое по разному. «Трудных» детей необходимо изучить и примениться к ним отдельно; понять, в чем и почему они трудные. Общих правил выводить невозможно...

Ребенок всегда должен чувствовать, что руководитель является чем-то особым, что нужно уважать. Это как ни кажется *vieux jeu*, но необходимо для всей воспитательной работы. Вода льется сверху в низ. Так и в воспитании руководитель должен возвысить себя, чтобы дети легко его слушали и учились от него. Этим достигается постоянный и живой контакт с детьми. Притом нужно еще, чтобы дети чувствовали, что руководитель выше их для того, чтобы дать им желание тоже возвышаться, тоже расти не только физически, но и морально и духовно. Влияние руководителя на детей огромно, но и огромна его ответственность; ведь он ведет детей, ведь он **руководитель**. Руководительская работа даже не является работой, а служением. Серьезно нужно к ней относиться и серьезно ее исполнять. Тем более, что, по моим наблюдениям, дети очень чутко воспринимают хорошее к ним или плохое отношение, хороший или плохой за ними уход. Метко они подмечают недостатки своих руководителей и с завистью смотрят на тех, у которых оказались хорошие руководители. Детская оценка часто бывает правильной, и не прислушаться к ней — большая ошибка.

Работа с детьми часто бывает трудная, утомительная и почти всегда неблагодарная, но полюбив ее ни на что в жизни не захочешь ее променять...

Сергей Фицхелуров

1.10.1959.

БИБЛИОГРАФИЯ

Педагогика на службе безбожия.

В журнале «Советская педагогика» (Июль 1959 г.) напечатана статья некоего И. В. Андреева под названием «Внеклассная работа по атеистическому воспитанию учащихся». В этой статье мы находим подробный рассказ о том, как в средней школе города Майкопа проводится атеистическая пропаганда. «Мы должны воспитывать из наших детей убежденных атеистов, — пишет автор, — воспитывать людей, которым чужды всякого рода суеверия и предрассудки». Чтобы добиться этого, школа в Майкопе использует не только учебные часы, но и внеклассные занятия детей; среди детей организован особый атеистический кру-

жок, где учащиеся в школе читают доклады по книгам Ярославского, Виппера и других защитников атеизма. Учителя на уроках истории и естествознания всячески развивают антирелигиозные идеи, пользуются теми картинами русских художников, которые могут быть использованы антирелигиозно. Сверх того, в школе был организован особый «литературно-атеистический» вечер, где один из учащихся сделал доклад на тему «Русская литература в борьбе против православной религии и церкви». Другой раз был устроен «историко-атеистический» вечер на тему «Русская церковь в борьбе против революции 1905-1907 г.».

Учащиеся вовлечены в эту атеистическую пропаганду, которая, как отмечает статья, «дает свои результаты». Некая ученица В., отец которой, будучи человеком религиозным, запретил ей вступать в Комсомол, под влиянием кружка атеистов стала комсомолкой и т. д.

Что сказать об этом уродовании детей в советской школе? Не знаем, во всех ли школах в Советской России так навязывают детям атеизм, но независимо от того, сколько детей искалечено там, сам по себе факт подчинения школьного дела атеистической пропаганде не только возмутителен, но и страшен. Влияние семьи, если она религиозна, может, конечно, ослаблять деморализацию детей, создаваемую пропагандой атеизма, но все же много детей и юношей уже отравлено и духовно опустошено. Бедные дети! Бедная наша Россия!

Товарищество Объединенных Издателей

имеет генеральное представительство на распространение всех книг
YMCA-PRESS, ВОЗРОЖДЕНИЯ, ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА

Все заказы на книги следует направлять по адресу:
Les Editeurs Réunis

29, rue St-Didier, Paris 16e. — Tél.: KLE. 91-86,
Почтовый счет: C.C.P. Paris N° 13313-73.

Последние издания:

- 1) Прот. В. Зеньковский. — История Русской Философии в 2-х томах. 10 долл. — Апологетика — 4 долл.
- 2) Учебники по Закону Божию — 5 книг. Цена одной книги от 2,5 до 3 долл.
- 3) В конце года поступает в продажу книга проф. А. В. Карташева — Очерки по истории Русской Церкви, в 2-х томах, стр. 1.300.

Каталог книг высылается по просьбе читателей.

„ВЕСТНИК“

Русского Студенческого Христианского Движения
ПРАВОСЛАВНЫЙ ОРГАН РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ
И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

XXIV-й год издания.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

Во Франции: Подписную плату просим вносить на почтовый счет
P.C.X.D.: C.C.P. Paris 2441-04, Action Chrétienne
des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres,
Paris 15e.

Подписная плата на год: 750 фр., с целью поддерж-
ки — 1.500 фр. Подписная плата на «Messager Or-
thodoxe» de langue française — 600 fr.

в Америке: Mrs Olga Apt. 3 W,
New-Y

San-Francisco: Mis Fran-
cis
По
ки

в Англии: Mr
do
По

в Австралии: Mr 624 est,

в Германии: He
Al
По

в Канаде: Mr W tr.

в Швеции: Р 6.

в Марокко: М а.

Tous droits de tra ve.